

Сборник культурфилософских статей научного и публицистического характера, в котором ставится и решается проблема осмысления духа/ духовности в самой его сути, как живого организма в многообразных проявлениях и взаимосвязях. Интерпретация смыслонесущих и смыслопорождающих оснований духовного бытия основана на содержательно-логических, конкретно-всеобщих методах исследования, позволяющих воссоздать его базовые алгоритмы. На примере мифа, нравственности, искусства, религии и философии обосновывается позиция о том, что, несмотря на проблемы и противоречия в жизненной действительности, в мировом культурно-историческом процессе совершается последовательная духовная эволюция. Отражает взгляд автора к духовности как высшему проявлению сущности антропогенной цивилизации, имеющей тенденцию неуклонной эволюции и неисчерпаемый потенциал для дальнейшего развития. Предназначается для исследователей и широкого круга читателей.

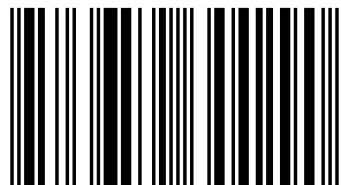

Баглан Кокумбаева

Кандидат искусствоведения, доктор философских наук, доцент, профессор Павлодарского государственного педагогического института, Республика Казахстан. Имеет более 80-ти публикаций на русском, казахском, немецком и английском (в соавторстве) языках. В том числе: 2 учебных пособия, 1 учебник, 3 монографии (одну индивидуальную и 2 в соавторстве).

Ипостаси духовности в культурно-историческом измерении

978-3-659-64429-0

 LAP
LAMBERT
Academic Publishing

Баглан Кокумбаева

Ипостаси духовности в культурно-историческом измерении

Баглан Кокумбаева

**Ипостаси духовности в культурно-
историческом измерении**

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@lap-publishing.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-64429-0

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2014 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Морфология культуры (проблемы методологии).....	2
Миф.....	11
Нравственность.....	16
Искусство	22
Религия	31
Философия	38
Проблема религии в современной литературе	49
Евразийский тип культуры: миф или реальность?	55
Культурно-исторический смысл религии и современное казахстанское общество: точки соприкосновения.....	62
Менталитет нового поколения и современное образовательное пространство	72

МОРФОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

(проблемы методологии)

Мир культуры – мир смыслов, который «заряжает» своим содержанием весь Универсум. Культура структурирована из духовных доминант, составляющих ее внутреннюю сущность, и предстает, таким образом, как конструирование смыслов, аккумулирующих в многообразных артефактах общее видение мира.

Архитектонике такого культурного поля присуща повторяющаяся с удивительным постоянством закономерность. Она состоит в том, что все возникающие человеческие сообщества воспроизводят одну и ту же культурную парадигму. Каждое из них, включая самые ранние архаические, и этнографические общества современности, начинают свою жизнь с предзаданной культурной парадигмы. Становление ее происходит в недрах реального жизнебытия и есть, следовательно, пребывание в непосредственной истине бытия [1]. На этом этапе культура органически связана с жизненной реальностью. Таким образом, сущность культурной парадигмы коренится во всеобъемлющей целостности и выражается в эквивалентности жизни.

Этот фундаментальный признак определяет единство содержания-формы всей культурной парадигмы. Культура Архаики – первосмысл, первоисток, первосущность. В крупном плане она имеет характер движения от исходного первоначального целого к развернутой целостности как синтезу частей. На пути такого развития и возникают культурные формы как «сущностно-структурные атрибуты бытия» культуры [2]. Следовательно, приблизиться к адекватному пониманию культуры возможно в том случае, если не упускать из виду этой всеобъемлющей целостности как ведущего фактора культурогенеза. Иными словами, всеобъемлющая целостность как слитность жизни и культуры, единство содержания-формы, артикулируется нами как магистральная методологическая проблематика при исследовании культурной морфологии.

Следующий пункт, имеющий методологическое значение для исследования культуры как целостности, - это понимание культуры как духовного явления. Приоритет Вечного Духа как стержня, ядра культуры имеет веские основания и подтверждается данными современной постнеклассической науки, основывающейся на теории единого поля, согласно которой «мир во всех его проявлениях – физическом, биологическом или психологическом – устроен некоторым одинаковым образом...». Это прослеживается, во-первых, в генетическом родстве наиболее древних по происхождению (миф, религия, нравственность, искусство) культурных форм. Все они являются априорными, то есть доопытными сферами первокультуры. Во-вторых, факт природной

духовности культуры подтверждается эмпирически-исторически. Культурные блага, то есть предметы материальной культуры, только начинают создаваться и приобретаются архаическим человеком в ходе длительной жизненной практики. Причем, что очень важно, отношение к ним на начальном этапе человеческой истории не утилитарно, бескорыстно, ибо предметы бытового обихода одухотворяются и наделяются сакральным характером.

Важно уточнить содержание постулируемого здесь принципа целостности, методологическое содержание которого составляет понимание единого происхождения и самого объекта и его «извне-окружения». Оно состоит в том, что выявление только лишь «внешнего и механического отношения целого и частей недостаточно для того, чтобы познать органическую жизнь в ее истине. И если так обстоит дело с органической жизнью, то в гораздо большей мере это верно в случае применения этого отношения к духу и образованиям духовного мира» [3]. Отсюда следуют важные для нас выводы: во-первых, о синонимичности культуры и духовного мира; во-вторых, о культуре как живом развивающемся организме; и, в-третьих, о ее формообразованиях как проявлениях единого всеобщего начала.

Опираясь на вышеизложенное, представим логическую реконструкцию морфологии культуры. Динамика культурных форм совершается по единому сценарию: духовно-практическая целостность (нерасчленимый синкретиз) – расщепление на отдельные сферы (области), то есть дивергенция, – интегрированная целостность (конвергенция). Поначалу границы между ипостасями культуры не выражены. Раз найденное воспроизводится во всех формообразованиях культурного бытия. Первые культурные формы (миф, религия, искусство...) содержат больше сходств, нежели различий. Конструктивный каркас в них составляют слитность всего того, что в более позднее историческое время оформляется в обычаи и обряды, литературу и искусство (виды искусства), философию и науку, медицину, право, мораль... Вероятнее всего, что поначалу они и не осознавались как четко различаемые архитектурные образования (это миф, а это религия...). Раз возникнув, первичные структуры все более обособляются и отдаляются от своего генетического прототипа. И вот уже миф, религия, искусство – самостоятельные культурные формы, живущие полнокровной жизнью. Однако здесь возможно реконструировать только схематичный каркас, некую абстрактную модель. Инвариантность культурной парадигмы обусловлена имманентными закономерностями Универсума, проявляющимися через многообразие природно-климатических условий.

Этим объясняется тот факт, что в разных архаических сообществах культура содержит различные модификации. В одних она совпадает с тем, что

принято классифицировать как миф. В других ареалах ближе к тому, что характеризуется как религия. Аналогично обстоит ситуация и с искусством. Предполагать, что вначале возник миф, затем религия, или пытаться выявить очередность формирования тех или иных видов искусств (живопись, затем, скажем, музыка или скульптура) не имеет смысла. Научный подход выражается в различных ответах, в невозможности и ненужности редуцирования к общему знаменателю, что вытекает из самой сущности культурной реальности (аналогично универсально-уникальной родовой сущности человека).

Исходна некая целостность, которая не артикулирована и не осознается как нечто конкретное. Методологически целесообразно потому, на наш взгляд, логически реконструировать какие-то общие закономерности, а не конкретно, скажем, последовательность возникновения тех или иных культурных форм. И только потом, совершая диалектический путь от общего к особенному, возможно решение более частных вопросов культурной морфологии. К таким определяющим константам, имеющим методологическое значение при исследовании морфологии культуры, относятся целостность, сакральность, интересубъективность (всеобщность), полифункциональность.

Казалось бы, ничего нового в изложенном здесь суждении не содержится. Во всяком случае, факт исходной цельности аксиоматичен в общественных науках. Тем не менее, постулируя теоретически эту аксиому, научная мысль развивается вразрез этой методологической платформе. И это хорошо иллюстрирует морфология культуры, которая исследуется как совокупность автономных культурных форм. То есть структура культуры предстает как данность в готовом виде, в котором изначально существовали миф, религия, нравственность, искусство.

Речь здесь не о том, чтобы отказаться от исследования конкретных культурных форм. Операционализм – логическая составляющая научного знания. Здесь не обойтись без расчленения на части, приходится совершать искусственную операцию, то есть вычленять из культурного целого какую-то часть, исследовать ее как целое. Однако операционалистский подход «не дает достаточного объяснения исторической стабильности и интересубъективности...» бытия культуры [4]. Научное исследование, следовательно, может считаться завершенным только тогда, когда эта часть будет осознана именно как часть в контексте культурного целого.

В философско-научной литературе сложилось понимание культуры как «второй» природы, то есть искусственной реальности, созданной человеком. Подобный подход сложился в рамках рационально-логического мышления западной культуры, а потому «работает» именно на этот культурно-исторический тип. При этом данная трактовка разрывает и сужает мир человека

этой «второй» природой, в связи с чем исходная реальность - мир Природы, Космоса - остается вне поля зрения.

Подобная ситуация настоятельно диктует искать альтернативные, сложившиеся, научно-исследовательские парадигмы. В связи с чем, считаем целесообразным дополнить ее отношением «Человек – Мир», принятым в современной философии культуры. В отличие от подхода «Человек – культура», подобный подход закономерным образом предполагает включение природы и космоса. Данная установка согласуется также с постмодернистской системой ценностей, где «в качестве центральной выделяется осознание неразрывной связи человека и мира, примата духовных ценностей над материальными, и многообразия форм бытия, а также необходимости их более полной репрезентации» [5, с.33].

Одним из вариантов при изучении культуры является типологический подход как построение идеальной (абстрактной) модели. Главное условие типологизации - единство критерия, на основе которого выделяются типы культур. Наиболее распространенные критерии типологизации:

- образ хозяйствования или хозяйственно-культурный тип (охотничье-собираТЕЛЬский, кочевое скотоводство, оседлое земледелие);
- типы социокультурной регуляции (традиционный, индустриальный и постиндустриальный);
- региональная принадлежность культуры (культуры Востока и Запада, средиземноморская, латиноамериканская и т.д.);
- связь с религией (культуры религиозные и светские);
- способ трансляции культуры (устный – письменный – аудиовизуальный).

Главенствующее влияние на формирование того или иного типа культуры оказала хозяйственная основа. Наиболее ранний образ хозяйствования – синкретическая охотничье-рыболовецкая и собирательская экономика, при которой древние добывали пропитание охотой, рыбной ловлей, сбором ягод, фруктов, орехов и других растений.

В древневековую эпоху получают развитие два различных образа хозяйствования, сформировавшие два самостоятельных культурных типа. Это - мир статичности оседлых земледельцев и беспокойный мир кочевников.

Охарактеризованные хозяйственно-культурные основы, сложившиеся в традиционном обществе, сохранили свое значение и в последующем – индустриальном и постиндустриальном типах социокультурной регуляции. Яркий пример сказанному – культура Казахстана, сущностное основание которой составляет кочевая, или иначе, номадическая культурная традиция.

Общечеловеческая культура характеризуется многообразием локальных вариантов, создающих ее неповторимое своеобразие. Восточная и западная парадигмы – это наиболее крупные модели, каждая из которых содержит свои особенности.

В крупном плане можно выделить две точки зрения, адекватно выражающие смысловую суть понятия «культура»:

- Сакральная (религиозная) культура;
- Секулярная (светская) культура.

Сакральная культура восходит к мифологической эпохе. Это исторически первый смысл культуры как культа; как почитание, бережное сохранение выработанных традиций. Сакральное — святое, священное; важнейшее мироотношение и миропонимание, согласно которым все сущее обладает ценностной значимостью.

Этот смысловой код получил воплощение в наиболее ранних формах культуры (мифе, нравственности, искусстве, религии). Как исторический феномен человеческого бытия данный тип представляет собой сакральную культуру. Ее значение непреходяще, ибо в ней заложены идеи, образующие вечный фундамент общечеловеческой культуры. (П.С. Гуревич).

Отличительная особенность этого исторически раннего типа – тождественность образа жизни и культуры, пронизанных идеей сакрального. Жизнеспособность сакральной традиции обеспечивается общей картиной мира, общей памятью, единообразными правилами поведения. Со временем во всех без исключения культурах комплекс идей и чувств, предметом которых выступает сакральное, нашел свое наиболее полное выражение в религиозной духовности. Убеждение в существовании сакрального и стремление быть сопричастным ему составляет суть религии. В религиозной культуре сакральное «не просто иная реальность, но также реальность абсолютная, вечная и по отношению к тленному миру первичная, иначе говоря, «мыслится субстанцией бытия».

Действительно, в конфуцианско-даосистском, индо-буддийском, исламском и христианском культурных типах определяющим является религиозная составляющая (Попов). Культура Великой Степи есть структурное целое. Подобно казахскому орнаменту, особенность которого составляет равенство узора и фона, формы отечественной культуры равнозначимы. Что объясняется своеобразием мировоззрения, основание которого составляет гармония как сущность человеческого бытия.

Сакральная культура как исторически первый этап – это целостное явление; первосмысл, первоисток, первоиссущность. Для нее присущи всеобщность, устный способ трансляции культуры, импровизационность, то

есть собственно творческое начало, сольность. Следует отметить, что наличие такого признака как устный характер не означает, что не было пространственных видов искусства и письменности. В данном случае уместно заметить, что определение «устная культура» эквивалентно термину «фольклор», который обозначает народную мудрость и культуру как всеобщее достояние.

Секулярный (светский) тип – это следующий исторический этап в крупном масштабе. Основное его отличие от сакральной культуры коренится в том, что она выдвигает на первый план зрение, зрительную представимость, наглядность. Этот тип способствовал технизации искусства, которое все более базируется на технико-урбанистической цивилизации, о чем свидетельствует динамика от живописи к телевидению и компьютерной культуре, оказав воздействие на все стороны жизни: «Все стало видимым, доступным, обозримым, исчезли последние тайны, так тщательно скрывавшиеся на протяжении истории культуры. Стали близкими, доступными, «человеческими» самые недостижимые и сакральные объекты (солнце, луна, звезды), ярким светом освещены самые укромные уголки человеческой души, самые интимные человеческие отношения, стали «нормой» самые маргинальные в традиционной культуре образования. Тотальная видимость определяет бытие современного человека» [6, с. 106-107].

Обобщая, отметим, что принятые здесь определения сакральная – секулярная совпадают по своей сути с принятой оппозицией религиозная – светская.

Эволюция культуры как духовного явления совершается по единому сценарию: устный пласт - письменная традиция. Устный способ трансляции культуры способствовал тому, что в его недрах формируется искусство звуков, то есть музыка, феномен которой заключен «в духовных субстанциях, то есть в кодификации самого духа» [7, с. 68]. Вместе с тем, он представляет особую трудность для исследования. Это связано с ее эфемерным свойством – звук возникает и исчезает, сохраняясь лишь в таком загадочном феномене, как человеческая память. Этим объясняется высокое содержание и исключительное по силе воздействия значение устной культуры, воплощенной в нераздельном синкретизе музыки и слова, и, аккумулирующей громадную космическую энергию. Выяснение происхождения музыкального искусства представляет потому не только узкоспециальный интерес; это проблема, которая тесно соприкасается с множеством вопросов более широкого плана; а именно: с вопросами возникновения языка, речи, мышления, сознания. Суть данной проблемы глубоко выразил немецкий ученый Г. Кнеплер, который пишет: «Нам неизвестно ни одно человеческое общество, которое обходилось бы или

обходится без музыки. Она является настолько универсальной, настолько всеобщей формой выражения человеческого духа, что мы не можем и надеяться на то, чтобы понять ее сущность и ее функции без основательного изучения музыки в ее взаимосвязи с процессом становления человечества в целом» [8, с. 25].

Симптоматичен тот факт, что в современной науке осуществляется выход за пределы изучения музыки как явления искусства. Так, в современной российской философии и науке существует понятие «музыкальная гармония Вселенной», под которой понимается «согласованность музыкального характера между взаимодействующими элементами Вселенной». Представления о звуке как выражении Абсолюта обрели ныне новую жизнь в связи с пересмотром физической картины мира. Вселенная оказалась наполненной звуками. Древнее учение о музыке небесных сфер фактически получило подтверждение в наблюдениях астрофизиков. Звуковую окраску имеют пульсирующие звезды, электро-магнитные бури и даже формирование молекул ДНК и РНК, лежащее в основе живой материи. При этом речь идет не о хаотическом, а об организованном звучании, стремящемся к гармонии. То есть музыка объективно заложена в структуре мироздания. Ее законы универсальны, и прежде чем мы сотворим музыку, она творит нас. Прислушаться к мировой музыке, чтобы руководствоваться ее пропорциями – вот единственный выход для человека. «Либо мы научимся слышать ее, либо мы не будем существовать вовсе», - призывает И. Берент [9, с. 48].

На наш взгляд, правомерно уточнить, о каких пропорциях идет речь. Уверены, что не только о пропорциях как математических понятиях. Ведь речь не просто о музыке как виде искусства, вопрос ставится гораздо глубже: о духовном состоянии Вселенной. Следовательно, призыв «прислушаться к мировой музыке» означает жить по универсальным законам Мироздания.

Тем не менее, повторимся, столь важный ракурс исследования еще не стал предметом самостоятельного культурфилософского анализа. В существенной мере препятствием тому является стереотип мышления, согласно которому без письменной фиксации (нотописи) музыка всерьез не воспринимается за искусство. Здесь нами имеется в виду установившаяся дифференциация на «высокое» искусство и фольклор, при которой второй пласт – устная музыкальная культура – полагается более примитивной, чем классическая музыка. Итогом подобного взгляда и объясняется культурно-исторический парадокс, который состоит в том, что, будучи устной по своей природе, музыка коренным образом изменила свою исконную сущность.

Ныне этот взгляд постепенно пересматривается. Приходит понимание того, что даже нотированная музыка творится «всякий раз заново, всякий раз

новыми творческими усилиями всех ее творцов, включая зрительный зал. Только живое совместное творчество, со-бытие талантов и поклонников создает феномен и оперы, и культуры. Остановленное в записи мгновение оперы бывает прекрасно, но оно уже входит не в живое поле культуры, а в его информационный банк, сохраняющий достижения человеческого духа на уровне фиксации документа прошлого, но не на уровне целостного информационно-полевого бытия оперного произведения» [10, с.24].

Таким образом, культура есть исторически развивающийся феномен, содержащий как сходства, так и различия на разных этапах и в разных ареалах Земли. Тем не менее, для нее присущи и некоторые общие закономерности. Если миф олицетворял, прежде всего, силы природы, а религия опиралась на веру в сверхъестественное, в Бога, то предназначение философии состоит в стремлении осмыслить и дать объяснение всему сущему. Иными словами, многообразие мира предстает перед человечеством в адекватных формах своего проявления, то есть характеризуется богатством и разнообразием духовно-творческой деятельности.

Вместе с тем, выделение и отделение различных видов интеллектуальной деятельности в самостоятельные сферы произошло много позднее и характеризуется наличием множества вариантов. Следовательно, ипостаси духовности формируются не на пустом месте, поскольку в данном случае, как и во всем, отчетливо действует закон преемственности в развитии. Становление новой сферы культуры не отменяет предшествующей, они взаимодействуют, взаимообогащают одна другую. Скажем, философия возникла на фоне мифа и религии, но стала отличной от них формой отражения действительности в сознании человека. Поэтому здесь не ставится задача обстоятельного освещения каждой культурной формы. Ограничимся потому кратким анализом отдельных сфер духовной культуры в контексте озвученной темы.

1. Косиченко А.Г. Наука и ее методология в культурном контексте// Методология науки в контексте взаимодействия восточной и западной культур. – Алматы: Акыл кітабы, 1998. – С. 6-25.
2. Хамидов А.А. Восток и Запад: специфика соотношения мировоззрения и методологии //Методология науки в контексте взаимодействия восточной и западной культур. – Алматы: Акыл кітабы, 1998. – С. 26-67.
3. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М, 1989. – С. 29.
4. Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М., 1974. – С. 302.

5. Словарь философских терминов /Под ред. В. Г. Кузнецова. – М., 2004. С. 392.
6. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энцикл. словарь. - М., 1999. – С. 270.
7. Аязбеков С.А. Восток-Запад и социально-философский анализ казахской музыкальной культуры. – Алма-Ата, 1992.
8. Кнеpler G. Geschichte als Weg zum Musikverständnis. – Leipzig, 1977. – s. 52; цит. по: Алексеев Э. Фольклор в контексте современной культуры: Рассуждения о судьбах народной песни – М.: Сов. композитор, 1988. – 240 с.
9. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энцикл. словарь. - М., 1999.
10. Минаев Е.А. Музыкально-информационное поле в эволюционных процессах искусства. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. докт. искусствоведения. – М., 2000. - 52 с.

МИФ

В современном гуманитарном знании миф характеризуется как целостное образование, универсальное явление архаической эпохи. Присущая мифологическому сознанию целостность восприятия мира основана на системе эмоциональных и логических ассоциаций; мир предстает в нем как магический Космос, в котором все одушевлено и связано со всем, а человеческая жизнь есть продолжение космической жизни. Бытие мифа есть, иными словами, «эмоционально-образная, метафорическая модель мира», архетип, первообраз человеческого общежития, воплотившийся в культуре Архаики.

Исторически наиболее ранним является архаический классический миф, в котором мир предстает как единое целое, без деления на одушевленное и неодушевленное. Это есть некий аморфный в структурном отношении монолит, в котором еще не фиксированы внятно представления о мире. Следующий этап – формирование картины Космоса как двоичной структуры в так называемой дуальной мифологии. Здесь мир воспринимается через различные сопоставления, а именно:

- верх - низ, небо - земля, день – ночь, белый – черный;
- жизнь – смерть, мужской – женский, старший – младший, свой – чужой.

Солидаризуемся с исследователями: архаический человек не знал смерти. На наш взгляд, представления о смерти как умирании сложились в дуальной мифологии, на сопоставлении смысловых оппозиций: жизнь – смерть. Отсюда, переход от единого (одного) к двум, а затем к трем не эквивалентны числовым отношениям в арифметике. Этот переход есть для него онтологический акт, затрагивающий самые фундаментальные основания жизни, а следовательно, и культуры. Выражаясь философским языком, есть антиномии, в которых предельно поляризованы основания бытия. Отголоски, реликты этого духовного переворота по сей день сохранились в обрядах. Дарят только нечетное количество цветов, ибо чет – явление того мира – инобытия. Соответственно, четное количество цветов предназначается ушедшим в мир иной. Переход архаического сознания к дуальной мифологии произвел целую революцию в миропонимании наших далеких предков. Впервые человек поставлен перед выбором. Впервые он «узнает» о том, что не вечен, открывает для себя конечность человеческого существования и приходит к осознанию трагичности своего бытия. Впервые испытывает ужас перед бездной конца, страх перед смертью.

Афористически емкая экспликация сказанного содержится в казахском аңыз-кюе «Қызыл қан»: «Каждую весну во время перелета, птицы, сбиваясь с пути, погибали от жажды. Тогда Қызыл қан (Красная кровь) – повелитель гусей

– обратился к Тенгри с просьбой проложить небесный путь. Тенгри открыл небесную дорогу, которая указывала птицам их путь. С тех пор на небе виден Құс жолы – Путь птиц» (казахское название Млечного пути)» [1, с. 288]. Здесь имя Қызыл қан символизирует первые представления о смерти, ассоциируя физический конец с красным цветом. Идея «Құс жолы» – попытки мысленного (духовного, психологического) преодоления смерти посредством переправы души/духа на Небо. Таким образом, жизнь как вечное существование ассоциируется с Небом как духовной родиной человека. В этом лаконично изложенном священном рассказе аккумулирована в концентрированном виде вся духовная информация. Сохранен дух культуры Архаики – устная (биотическая, от био – жизнь) форма бытования в нераздельной слитности слова и музыки.

Содержание приведенного аңыз-күя иллюстрирует переход от дуального миропонимания к трехмерной модели мира, в которой, как известно, Космос мыслился как вертикаль, содержащий три мира – Верхний, Средний и Нижний. Каждый из этих миров, согласно мифологическим представлениям, представляет собой сакрализованное пространство, с которым соотнесены различные классы явлений. Верхний мир, это крона дерева, небо, светила, вершина горы, исток реки, птицы. Средний мир ассоциируется с стволом дерева, долиной, подножием горы, человеком и животными с «теплым дыханием» (олени, лоси, лошади). Нижний мир – корни дерева, пещера, ущелье, вода, обитающие в норах животные, рыбы.

Этот ряд характеристик трех миров может быть продолжен и соотнесен со следующими реалиями: будущее – настоящее – прошлое, потомки – живущее поколение – предки. Преодоление двоичности и переход к троичности есть оформление иных мировоззренческих ориентаций, есть апофеоз жизни как существования. То есть это первый сознательный акт – трансцендирование, при котором человек преодолевает умирание через духовное усилие, направленное на магическое (ритуальное) противостояние смерти. Резюмируя, можно отметить, что, поскольку упор в трехмерной модели делается на сохранение устойчивости, гармонии бытия, она является в мировоззренческом аспекте альтернативой дуальной мифологии.

Модель мира по горизонтали представлена в таком понимании Космоса, согласно которому свет имеет четыре стороны (север, юг, запад, восток). Таким образом, миф – это грандиозный цикл, воплотивший фундаментальные основы общечеловеческой сокровищницы, а потому по праву занимает почетное место в истории культуры.

Здесь представлены в сжатом виде самые общие закономерности эволюции мифа, процесс развертывания которого в различных культурных

пластах протекал по-разному. Наиболее отчетливо он сохраняет свою исходную генетическую природу в традиционных культурах Востока. Великий исторический смысл консервации состоит в высокой сакрализации, ибо в нем аккумулировано духовное содержание первокультуры, сохраняющее и в последующие века свою энергетическую концентрацию. В культуре Запада миф десакрализуется, утрачивает свою собственно мифическую первооснову и становится автономным артефактом культуры Цивилизации.

Выразительно иллюстрирует охарактеризованные историко-культурные типы образ Гуся-Лебеда. Как известно, образы птиц занимали особое место в мифологии всех древних народов мира. Способность пернатых к полету воспринималась нашими далекими предками как сверхъестественный дар, а потому и сами птицы выступали как символы верха (то есть духовного начала): неба, солнца, грома, ветра, свободы, жизни, вдохновения, предсказания. Птиц-символов множество, со временем у каждого народа появились свои образы пернатых (журавль – символ вечной жизни, долголетия у японцев, голубь – предвестник смерти в Индии). Типология птиц охватывает не только реально существующие виды, но и фантастические (Жар-птица в русской традиции, Рух – у арабов).

Сюжеты о Гусе-Лебеде восходят к тотемическим представлениям о женщине-птице как праматери рода. В подобном контексте Гусь-Лебедь почиталась многими древними народами: славянами, германцами, финно-угорскими этносами, египтянами, греками, китайцами. Культ Гуся-Лебеда (Акқу – Ақ қаз) – один из ведущих образов в культуре народов Евразии. По сей день сохранились поверья, согласно которым Акқу – Ақ қаз – киелі (священна). На чистых крыльях этой Священной Птицы душа человека улетает в неведомый мир. А потому образ Акқу – Ақ қаз представляет вечный символ великого начала жизни и продолжает жить в художественно-культурной системе: в орнаменте «каз канат» (гусиные крылья), поэтических сравнениях «каз мойын» (образ красивой девушки, шея которой подобна лебединой), казахских аңыз-кюях «Аққу», а также в этнониме «каз ақ», давшем название народу и нашему государству.

Один из самых распространенных случаев де-мифологизации и де-сакрализации образа Священной Птицы – мотив превращения Гуся-Лебеда в прекрасную девушку, который утрачивает в европейской культуре свои сущностные атрибуты и переосмысливается в художественный феномен: балет «Лебединое озеро» П.И. Чайковского, «Лебедь» К. Сен-Санса. Эти и другие творения являются шедеврами секулярного искусства.

Историческая жизнь мифа оказалась короткой (в исторической ретроспективе), ибо миф в первоизданном виде, как грандиозный сакральный

акт, существовал только в культуре Архаики. Дальнейшая жизнь мифа претерпела такие кардинальные метаморфозы, что речь может идти (и должна идти!) о принципиально новом формообразовании. Этот процесс возможно образно обозначить как его новую жизнь, поскольку это есть транспозиция в совершенно иные культурно-исторические условия. Мифы древневосточных цивилизаций и Древней Греции – это уже не есть мифы в исходном значении этого культурного явления. Ибо метаморфоза затронула коренные основания мифа и оказалась столь существенной, что на основе модернизированного мифа оказывается возможным становление и развитие новых культурных доминант, а именно: философии и науки.

История новых культурных форм началась с мифологии, «фактически состояла из анализа отдельных ее элементов, то есть отказывалась признать ее в буквальном виде, и все же кончилась новым признанием мифологии, но уже в аналитически разработанном и рефлексивном виде. Дальше наступала очередь не только за новым мышлением, но и за новой культурой и новой социально-исторической формацией» [2, с. 35].

Именно здесь кроется причина многочисленных диспутов о причастности, либо непричастности мифа к становлению философии. Как известно, одни рьяно отстаивают генетическую преемственность мифа и философии, приводя веские аргументы подобного родства. Не менее убедительна позиция, отрицающая подобный довод и выдвигающая идею невозможности подобной близости в силу значительных различий между рассматриваемыми культурными сферами.

На наш взгляд, взаимоисключающий характер этих суждений кроется в том, что исследователи подразумевают разный предмет. Первые ведут речь о мифе в его первозданной ипостаси, как о стержне, ядре общечеловеческой культуры. Вторые же берут в качестве предмета исследования то новое явление, о котором пишет П. Бицилли, и которое принципиально отлично от своего исторического прототипа. Можно отметить, таким образом, что правы обе стороны, но каждая права с точки зрения своего ракурса, своего видения предмета, своей позиции. Причина же разногласий в другом – в процессуальности, динамической жизни культуры, которая обладает способностью к адаптации в изменяющихся культурно-исторических реалиях.

Актуальность мифа как тотального способа мышления коренится в том, что он способствует воссозданию магистральной линии бытия культуры. Трехмерная мифологическая модель в ее эволюционной динамике способствует воссозданию культурной истории человечества. Первый этап, аналогично архаическому мифу, есть непосредственное пребывание в истине Бытия. В ходе жизненной практики моделируется культурное бытие, приобретающее новое

качество, «вторую природу». По своей сути, содержанию этот этап превосходит культуру Цивилизации, поскольку близок дуальной мифологии своей двойственностью, антиномичностью. Она создается в ходе ожесточенных баталий, происходит становление дифференцированных культурных артефактов: философии, науки, литературы. И, как показывает анализ мифа, это есть необходимая ступень, на основе которой осуществляется следующая, более высокая ступень культурного развития. Естественным результатом такой напряженной духовной работы является Целое как синтез. То есть это уже иное целое. Через предельную поляризацию материального и духовного мир начал постепенно возвращаться на более высоком – осознанном – уровне к приоритету духовного-нравственного начала. В этом смысле миф есть предвосхищение модели расширяющейся Вселенной. Духовной Вселенной. Таково футурологическое прочтение будущего через морфологию духа. Следовательно, концептуальное исследование культуры актуально в аспекте выбора пути, перспективно в футурологическом измерении.

1. Күй қайнары/ А. Райымбергенов, С. Аманова. – Алматы: Онер, 1990, 288 б. Голоса народных муз. А.Райымбергенов, С.Аманова - Алматы: Онер, 1990-288 с. (каз., рус.). - с. 288.
2. Бицилли П. Элементы средневековой культуры. – Одесса, 1919. – с. 167.

ПРАВСТВЕННОСТЬ

Краткий анализ мифа показывает, что становление культуры характеризуется мировоззренческой значимостью. В этом смысле нравственность - это, пожалуй, та культурная сфера, где слиты в нерасторжимом единстве жизнь и культура. В этом значении она обладает исходным универсализмом и верифицирует ее как всеобъемлющую константу.

Нравственность складывалась в непосредственной жизненной практике, из первых опытов человеческого общежития и восходит к древнейшему социальному институту, известному в науке как инициации, то есть возрастные посвятительные церемонии. Здесь вырабатываются нормы человеческих взаимоотношений, основанные на естественной половозрастной классификации. Это - младшее поколение (дети) - среднее поколение (родители) - старшее поколение, приобретающие характер незыблемых нравственных принципов.

Наиболее последовательно разработана система инициаций в восточных культурах, где действует в исторически скорректированной форме под названием мушель (у казахов), мучаль, муджьаль (у многих других народов). Мушель представляет собой цикл, определивший видение жизни в философско-этическом аспекте. Главное место в нем занимает человек, его нужно уважать и любить за то, что он есть на земле, ибо адам – конақ, то есть временный гость на земле. Пониманию глубинного смысла слова конақ – гость - способствует надпись, высеченная по желанию индийского мыслителя Ошо на его могиле: «Никогда не жил, никогда не умирал, только гостил на этой Земле» [1]. В этой эпитафии выражено философское отношение к земле, Универсуму, который есть для нас, цивилизованных землян, завет, призывающий быть не хозяевами; причем, хозяевами с барскими, а то и варварскими замашками, а гостями в высоком смысле этого слова. Божьими посланниками, «белыми братьями», трепетно воспринимающими данное бытие. Следовательно, эволюция слова прослеживается в том, что оно актуально не только в земном измерении, «здесь» и «теперь», но приобретает духовно-космическое звучание. Отсюда культ человечности, ибо пребывание человека на земле недолговечно, кратковременно, а потому оно должно быть духовно наполненным, осмысленным. Именно потому во все времена в Степи почитался закон гостеприимства, который заключался в предоставлении пищи и ночлега любому человеку, ибо адамгершілік - человечность - это то, что превыше всего.

Жизненный цикл мушелей основывается на изложенной выше межпоколенной триаде и реализуется на уровне всего традиционного общества. Ребенка у казахов называют бала. Он сладок, как мед, поскольку рождается высокодуховным [2]. Весь период детства, именуемый «бал дәурен»,

сопровождается тоями, устраиваемыми по различным поводам – при появлении младенца на свет (шілдеhana тойы), первых в жизни шагов (тусау кесу тойы), первого выезда на коне (атқа мінгізу тойы), первого произнесенного слова (тілашар тойы), первой поездки к родственникам по матери (тоқым қағу тойы).

Старшее поколение у казахов – ата. Ат (имя) – это привилегия избранной социально-возрастной группы. Имена самых уважаемых аксакалов присваивались аулам. Вместе с тем, младшим по возрасту не принято было обращаться по имени к представителям старшего поколения. Эта традиция устойчиво сохранилась во взаимоотношениях свекра и снохи, которая не имеет права даже произносить его имя. По сей день в казахской среде дедушка и бабушка являются таковыми не только для своих внуков, но и для детей, подростков всего аула; соответственно, отеческое (материнское) внимание среднего поколения распространяется на всех ровесников своих детей. Таким образом, в традиционном обществе жизнь отдельного человека нераздельно слита с жизнью всех людей, а главное содержание в культуре составляет глубоко духовно-нравственное отношение, являющееся ее смыслообразующим стержнем.

Особенность нравственности как духовно-практической целостности состоит в том, что она представляла поначалу общезначимую для всех сферу, понимаемую как нравственное отношение. Отношение, при котором человек не ждет благодарности, не говоря уже о каких-то материальных эквивалентах. Эта нравственная культура выработала со временем культ благодарения (бата, намаз, молитвы) как ритуал благодарности Всевышнему, людям, приближенным к Нему чистотой своих помыслов, устремлений и дел. Таким образом, традиционная нравственность актуальна не только как музейный экспонат. Высокая ценность нравственной культуры состоит в том, что она позволяет воспроизвести модель первоначального духовно – практического бытия.

С течением времени сфера нравственности сужается до сферы бытия человека и приобретает исключительно антропоцентрический характер. Под нравственностью стали понимать отношения между людьми, построенные по законам самой человеческой жизни; духовные и душевные качества, формы духовного воздействия (одобрение, осуждение), обеспечивающие прилив жизненной энергии как для отдельной личности, так и для социальных групп, коллектива. Такой подход, при котором все этические учения, системы, моральные предписания направлены на человека, либо общество есть детище культуры Цивилизации. Здесь были написаны блестящие теоретические трактаты о всеобщей природе нравственности. Этика видела свою задачу в том, чтобы «научить морали – предложить идеальную модель межчеловеческих отношений». Но «чем более обоснованными, логически безупречными были

моралистические системы, тем менее они оказывались способными побудить реальных людей возвыситься до морального идеала» [3, с. 420].

Таким образом, нравственность подвергается здесь, как и все явления духовной культуры, философской аналитике и проходит научно-теоретическое испытание на осмысление истинности (или неистинности) своего содержания. Главный вывод, который следует из этого, состоит в том, что оставаясь в лоне духовно-теоретического бытия культуры, нравственность утрачивает свою природную сущность. Поскольку вне естественной жизненной практики нравственность несостоятельна, безжизненна; следовательно, в новом облике – только как философско-научное знание она оказывается недостаточной.

Краткий обзор показывает, что, будучи поначалу цельным образованием, нравственность претерпевает со временем кардинальные метаморфозы, следствием чего явились дистанцирование от своей первоизданной духовности. Вместе с тем, теоретические разработки способствуют осмыслению сущности нравственности как осознанного нравственного отношения, сознательно распространяемого на весь Универсум. При этом прохождение духовного пути личности неотторжимо от наличной эмпирии; проблема духовного роста прямо и непосредственно ставится как вопрос цели и смысла человеческого существования и создания того духовно-космического пространства, когда культурное поле воплощается в творческую структуру Нравственности-Милосердия. Познание философско-нравственных истин при этом не подлежит передаче, не дается в готовом виде. Надобно совершить духовное усилие, чтобы самому лично (экзистенциально) постичь его во всей его глубинной неисчерпаемости и только такое постижение явится процессом восхождения к истине.

Нравственность, определяемая подобным образом, тесно сливается с понятием мудрости. «Многие исследователи проблем мудрости утверждают, что в далеком прошлом человек обладал способностью прямого постижения мудрости и воспринимал ее каждой клеточкой своего тела, всеми вибрациями своей души», - отмечают постнеоевразийцы Зорин и Бурбаев. «В мудрости гармонически сливаются высшая правда и любовь к людям, истина и благо, преклонение перед жизнью, перед природой, перед красотой и тайной человека и мира. Мудрость, таким образом, представляет собой благородный сплав, в котором органически слиты знания и духовный опыт, вера и здравый смысл, идеалы и общечеловеческие ценности, но главное – их укоренение в реальной жизни людей» [4, с. 53].

Нравственность, таким образом, есть мудрое, или, что то же самое, философское отношение к жизни. Философия нравственной культуры, далее, актуализирует проблему Личности – Социума – Космоса как единого

смыслового поля, где продуцируется высший духовный смысл. И в этой философии личная жизнь каждого человека (индивида) вплетается в непрерывную нить космической жизни, образуя одухотворенный Универсум.

Философия как высший, этически-глубинный и чистый взгляд человеческого сознания в его глобальном значении; как мировоззренческая парадигма, формирующая целостность мировосприятия человека, составляет содержание духовного учения Жихан Желтоксан Едихана Шаймерденулы. Жизненный импульс нравственности в интерпретации автора придает отношение человека, при котором все явления окружающего мира, будь то вещи, поступки, мысли, чувства, воспринимаются и осмысливаются метафизически (глубинно философски). Содержательность проявляет свою «смысловую нагруженность» во всех элементах жизни. Здесь нет мелочей. Все и всё в этом мире направлено на то, чтобы сохранить «прекрасный мир», «сияющее пространство». Это и Степь, та среда, в которой протекает жизнь как духовное со-бытие, сущностно неотделимое от культа предков. Духовность в «ритмах древних кюев, исполняемых на домбре», то есть в культуре кюя. Духовностью обладает и шапка (тымак), являющаяся символом верха (Неба); процесс ее изготовления, который сродни празднику как духовному общению.

Такое понимание восходит к далекому прошлому, когда головной убор, называемый шапка птицы, представлял основной компонент ритуального облачения баксы. Изготовление костюма было коллективным занятием женщин, совершалось в определенное время и сопровождалось определенным обрядом при большом стечении народа [5, с.374]. Но выше этой шапки – символа Всевышнего, который, конечно же, был хорошо известен носителю этой культуры, оказался для певца ребенок как созданный по Его образу и подобию. В степной среде певец – высокий гость, божий посланник, за каждым движением и словом которого наблюдает недремлющее народное око – ұзын құлак. По словам автора, тогда и произошло то знаменательное событие, которое помогло понять «лучшие свойства души своего народа. Простой степняк не решился потревожить спящего ребенка, чтобы высвободить свой щегольский тымак. Согревшись под шапкой, ребенок распрямился, да к тому же еще и перевернулся на спину, так что шапка оказалась теперь под ним. Для того, чтобы освободить тымак, пришлось бы обязательно разбудить малыша, а этого казах совершить не мог. Тем более, он сам еще находился под воздействием тех кюев, которые им были только что исполнены, и наверняка почувствовал, в каких прекрасных мирах находится сейчас спящий мальчик». Все это и побудило гостя совершить поступок, который «принес ему после особую славу и почет – путник попросил дать ему какую-нибудь ненужную шапку» [2, с. 115].

Все действие напоминает сакральный ритуал, либо классически поставленный спектакль. Но это не игра, не спектакль. Это – сама жизнь как подлинное существование, культура как культ. Динамика нравственной культуры состоит в том, что Ақ Сарбаз через много лет, достигнув новой ступени эволюции духа, философски осмыслил полученный в детстве «первый предметный урок Степного Благородства» на примере личности певца. Истоки философии нравственной культуры, как показывает исследователь, складываются в ходе непосредственной жизненной практики. Отсюда следует, что смысловое начало духовно-практического отношения к Универсуму реально-онтологично, и, кроме того, обладает атрибутами безусловной понятности и всеобщности. Так создается семантический континуум культуры, возделывается общее духовное пространство.

Речь, следовательно, о том, что истина по сути одна, она лишь выражается в разные культурно-исторические эпохи, у разных народов по своему, различным образом. В наши дни возникло понятие «планетарная этика», определяемая как «этика, обязательная для всех народов нашей планеты». Поскольку для того, чтобы Земля не погибла из-за нерешенных глобальных проблем, нужно всем осознать коллективную ответственность, значимость создания «универсальной планетарной этики» [6, с. 360-361]. Холономное движение в современной науке, философия целостности хализм обосновывают это положение на уровне Метагалактики, ибо то, что происходит здесь, на этой Земле, имеет последствия для всей Вселенной.

Философия нравственной культуры, составляющая содержание духовного учения Жихан Желтоксан, культивирует целостность мысли – слова – дела. Человек должен исполнить все свои земные предназначения – личную, семейную, групповую, национальную, общечеловеческую кармы. Но и при этом ему не уготована безмятежная жизнь в следующих земных воплощениях, поскольку, будучи частью целого, то есть Вселенной, он исполняет карму и прошлых своих сущностей. Сегодня, согласно Едихану Шаймерденулы, как никогда важно понимание того, что любая сфера деятельности есть, прежде всего, испытание человека, человечества на нравственную состоятельность. Только на принципе нравственности, «развив беспредельную любовь к своему окружению», мы сможем осуществить переход на более высокую ступень, и осознание этого есть самый значимый шаг на пути к истинному прогрессу человечества. Это не значит, что до этого, ранее, человеческий род был безнравственен. Нравственность всегда была ведущим принципом человеческого общежития; как известно, у всех древних народов все общество было ответственным за каждого своего члена, равно как и каждый член нес ответственность за деяния своего рода (племени). Вместе с тем, в тот

исторический период - пору детства человеческого рода, это была непосредственная, неосознанная нравственность, которая сродни непосредственности ребенка. Ибо наш далекий предок и был ребенком, ведь он пребывал в эволюционно детском возрасте. Естественно, он проходил ту возрастную ступень, которую проходит каждый из нас.

Нам, ныне живущим, не суждено вернуться в пору детства, ибо мы находимся на иной эволюционной ступени (равно, как это неосуществимо и для каждого человека персонально). Но если следовать изложенным суждениям (а они верны!), то нам, современным людям (адамдар), предстоит создать, созидать самое трудное, нам выпала честь строить самую сложную ступень: Нравственность-Милосердие. А потому человечность – адамгершілік - должна получить общечеловеческое звучание. Задача осложняется тем, что материально-вещественное начало достигло ныне критической точки. Выстоять, не поддаться, жить и работать во имя духовно-нравственного будущего - задача, которая заставляет мыслителей всех времен и народов действовать (писать, предлагать практические меры к реализации). Это самая сложная, кульминационная ступень на Земле. Задачей самого ответственного этапа является созидание того духовного будущего, во имя которого суждено жить нам, нынешним землянам. Именно поэтому духовное учение Жихан Желтоксан имеет еще одно название – единая теория эволюционного развития человечества.

1. 100 пророчеств Ошо / Авт.-сост. А. Ф. Конев. – Мн.: Современный литератор, 2003. – 128 с.
2. Жихан Желтоксан (Едихан Шаймерденулы). Ак Сарбаз. – Алматы, 2014. <http://xn--80aaa1brkt0a3m.xn--80ao21a/catalog/140616/140616-001.htm>
3. Словарь по этике/ Под ред. А.А.Гусейнова и П.С.Кона – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1989.
4. Идеи и реальность евразийства: Материалы Валихановских чтений “Исторические корни и перспективы евразийства как социокультурного и социополитического феномена”. 11 декабря 1998 г. – г. Астана /Отв. Ред. А.К. Кошанов, А.Н. Нысанбаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 1999.- 296 с.
5. Безертинов Р.Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов: Научно-популярное издание, 2-е изд., доп. – Н. Челны: Аяз, 2000. – Казань: Слово, 2004. – 448 с.
6. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 1999. – 347 с.

ИСКУССТВО

Наиболее благодатным объектом, позволяющим прояснить суть антропогенеза и культурогенеза, является, на наш взгляд, искусство. По Гегелю, «искусство изображает истинное всеобщее, или идею в форме чувственного существования образа» [1, с. 412]. Причем подобные образы отражают нечто чрезвычайно устойчивое, вневременное. Между тем, в общественном сознании довлеет узко-прагматическая установка на то, что музыка, живопись, скульптура и другие виды искусств – это лишь приятные занимательные, но не обязательные дополнения к жизни общества по сравнению с такими основополагающими его компонентами, как наука, политика, экономика, философия. Искусство выводится из того поля, на котором происходит подлинная реализация сущностных сил человека, тогда как это область, где именно и осуществляется последовательная духовная эволюция антропологической универсальности.

Для начала выразим свой взгляд на проблему в целом. Истоки искусства восходят к тем временам, когда становление культуры еще было слитно с жизнедеятельностью. Архаический человек также слитен с миром природы. Вместе с тем, человек вовсе не есть «лишь дубликат природы, или ее аналог, равно как и культура не есть просто-напросто «вторая природа» [2, с. 9]. Необходимость акцентуации этого вызвана тем, что культурным, то есть человеческим принято понимать именно отличие от «первой природы» и от животного мира. Между тем на заре человеческой истории человек являлся неотъемлемой частью Природы, в лоне которой, по словам Гегеля, и состоялось его «естественное» рождение. «Человек должен родиться дважды – один раз естественно, а затем духовно. Ребенок вначале есть дух лишь в себе, еще не реализованный дух, он еще не действовал как дух, он лишь способен, может стать духом, стать действительным в качестве духа» [3, с. 315-316]. Понадобились многие тысячелетия, в течение которых осуществлялся перевод прирожденной духовности из состояния возможности в состояние действительности.

Правомерность подобного суждения подтверждается и языковым материалом. Язык как дом бытия подсказывает ход реконструкции антропогенеза, позволяющего уяснить глубинную сущность человека. Примечательно то, что язык не только подтверждает факт приоритета духовного начала в сущности человека, но и предстает в качестве доказательства первичности духа. Здесь нами имеется в виду инициальная часть слова «антропогенез» «ан», которая, будучи международной универсалией, восходит к пра-языку архаических сообществ. Латинское слово

«anima» есть, как известно, обозначение духа, души. Причем, согласно анимистическому мирообъяснению, присущему всем древним сообществам, душой обладал весь мир. Тюркское «ан» – дичь (животное), видимо имеет более древнее, собственно исходное происхождение. В нем, во-первых, закреплено первоисточное единство макрокосмоса и микрокосмоса; во-вторых, возможно проследить выделение человека из Природы, животного мира. Причем процесс осознания человека как нечто иного, отличного, зафиксирован двояко: 1) образованием слова «жан», идентичного общепринятому пониманию анимизма; 2) дальнейшей эволюцией слова «ан», от которого образуются слова, относящиеся к классу человека: аншы – охотник, ана – мать.

Анализ показывает, что в слове «ана» зафиксирован факт деления единого живого организма, каким воспринимался мир поначалу, на мужское и женское начала. Отсюда, образ «ана» есть та нить, которая ведет нас вновь (но уже мысленно, в воображении) по тому эволюционному пути, который был пройден нашими предками. Ана стоит в начале жизни; волшебство материнства, как отмечает Я. Бахофен, «выступает как действительно божественное начало любви, единения и мира. Пестуя свое дитя, плод своего тела, женщина раньше, чем мужчина, узнает, что ее любовь и забота могут простираться дальше границ собственного «Я» и переходить на другое существо и что вся изобретательность, на какую способен ее дух, может быть направлена на то, чтобы сохранить и сделать прекраснее его бытие».

Отсюда можно допустить в качестве одной из гипотетических моделей антропогенеза взаимоотношения матери и ребенка, рассматривая их как культурную парадигму, поведенческий паттерн (образец), на основе которых складывались нормы человеческого общежития. Ребенок не рождается умелым, либо разумным, уже сформированным мыслительным аппаратом. Новорожденный беспомощен, но он все чувствует и воспринимает органами чувств. Более того, он реагирует на проявления окружающего мира и выражает свое отношение к нему. Поскольку именно чувственные проявления есть глубинные константы человеческого бытия, мысль об астральном теле как ведущем в становлении сущности человека, можно считать верной. Таким образом, считаем правомерным дополнить обозначения «первое становление человека» (К. Ясперс), «настоящий» человек (*Homo sapiens*) определением человек «чувствующий».

Исследования этнологов и психологов показывают, что в «самых древних пластах человеческой психики преобладает функция взаимного общения» [4, с.174-175]. Животные, птицы остались ими потому, что органы чувств не получили качественного развития. Функции их связаны с потребностями физического тела, с непосредственными физиологическими отправлениями.

Для человека же установление психологического контакта посредством чувственно-эмоционального начала становится более значимым, чем биологические детерминанты.

В научной литературе принято выделять в качестве определяющих оппозиционный характер взаимоотношения сообществ (свой – чужой). Между тем, на раннем этапе действовали, по нашему убеждению, объединяющие факторы. Племена относились (учились относиться) и воспринимали друг друга не только в противостоянии. Выживали те, кто более гибко солидаризовался с себе подобными. Именно контактность, коллективизм являлись антропо- и культуросозидающими факторами. Не только и не столько деструктивные факторы, сколько сплачивающие тенденции, прежде всего, определяли характер архаических сообществ.

Таким образом, эмоционально-чувственный контакт явился формирующим и направляющим фактором антропо-и культурогенеза. Культурообразующее значение получает все то, что окружает человека в непосредственной близости природного мира. Первым учителем человека была природа: вслушиваясь в голоса птиц, животных, в звуки окружающего мира, он учился понимать их смысловое содержание. Для нашего далекого предка звуки природы имели смыслонесущую информацию, это – звуко-смыслы, содержание которых концентрируется в эмоционально насыщенных интонациях. Подобной фазе непосредственной истины бытия соответствует устный тип трансляции, такая форма взаимосвязи, которая достигается посредством органа слуха. Значимость органа слуха прослеживается при этом не только в возможности восприятия и передачи информации. Ведь фиксируется, закрепляется и отбирается не просто эмпирическое знание, но такое знание, которое чувственно, эмоционально окрашено. Следовательно, чувственно-эмоциональные проявления являются первичным и основополагающим, базовым источником информации. Причем, астральное тело как направляющая эмоциональная энергия действует на неосознаваемом уровне. Человек еще не осмысливает их логически как нужные или ненужные, полезные или вредные. Архаический «ребенок» еще не понимает, почему он испытывает психологический комфорт от пения птиц, почему ему приятно от голоса себе подобного. Он это чувствует непосредственно, неосознанно, то, что определяется как праобразы, архетипы и, на наш взгляд, не совсем точно, коллективное бессознательное (К. Юнг).

Как видим, на этой начальной культурной стадии доминантное значение имеет слух. Не обладая членораздельной речью, не имея словарного запаса, пользуясь сподручными средствами – вокальной коммуникацией как звуко-смыслами, архаический человек путем нахождения и закрепления культуры звука, интонации устанавливает знакообмен с себе подобными.

Создаются условия для формирования живой звуковой речи, всегда сохраняющей «печать доверчивых, человеческих отношений людей», и эти его качества остаются неизменными на протяжении всей истории культуры человечества [5, с. 55].

Итак, основное содержание первокультуры составляют эмоциональные звукомыслы. Поскольку слуховое восприятие и представление не имеет внешней опоры, оно стимулирует способность к внутреннему развитию сущностных сил человека. Вырабатываются единые универсалии, в частности, представления о звуке и его качествах как некоем семантически емком, информационном коде. В ходе жизненной практики постигаются качественные различия звуков: так, громкие резкие звуки, суггестивные интонационные комплексы применялись в ритуальных действиях (например, при охоте на крупного зверя), выполняли сигнальные функции (извещение об опасности). Негромкий приятный звук, мягкая тембровая окраска, мерный ритм способствуют наращиванию эмоционально-положительного потенциала, становлению «Мы-чувства» и культивированию духа взаимопомощи и сотрудничества. Только миролюбивой интонацией можно привлечь к себе соплеменника, превратив его в союзника. И наоборот, резким голосом, криком можно оттолкнуть, а то и спровоцировать на агрессивные действия. А это в экстремальных ситуациях архаической эпохи чревато непредсказуемыми последствиями, это – прямая угроза жизни, существованию.

Таковы, в общих чертах, первые культурные приобретения человека, та суть, интуитивно понятая и неосознанно культивируемая древними. Ведь и в самом деле, только открытость, доверие могли быть и стали способами существования для наших далеких предков. Эти культурные навыки и умения неразрывно переплетены между собой так, что их трудно отделить друг от друга. Для уяснения природы культуригенеза и антропогенеза подобное расчленение необходимо, но изучение их по отдельности чрезвычайно сложно. Ибо в реальной жизненной практике они представляли единое целое.

Вместе с тем, астральное тело находится в координирующей связи не только с органом слуха, но и с ощущением, обонянием, осязанием, зрением. Однако, в отличие от органа слуха, развивающего, прежде всего, чувственно-эмоциональную сферу человеческого бытия, они более способствуют активизации возможностей физического, а позднее и ментального тел. В этом кроется объяснение тому, что на ранних этапах антропогенеза человек не столько «познает» и преобразовывает мир, сколько чувствует, переживает его. Подобный логический ход подтверждается тем, что ребенок, как уже отмечалось, не рождается умелым, его мышцы постепенно, в ходе длительной практики приспособляются к совершению трудовых операций.

Следовательно, можно констатировать, что рукотворная деятельность (то есть, умелые руки) формируется в ходе социализации. Так происходит «второе становление человека» и на исторической арене появляется человек умелый – фабер.

Разумеется, человеку как живому организму присущи такие градации, какие не укладываются ни в какие самые совершенные и продуманные схемы. И все же, определение общих закономерностей помогает приблизиться к постижению смысла человеческого бытия.

Становление астрального тела человека достаточно изучено современной наукой, и особенно психологией. Основные ступени эволюции астрального тела – это ощущение, восприятие, представление. Обозначенные ступени есть и процесс, и результат. Как результат они есть способ эволюции сущностных задатков. Как процесс (кристаллизация, концентрация) приводят к все более сложным преобразованиям человеческой природы. Эти ступени позволили человеку «оторваться» от непосредственных условий природного бытия. Осуществляя «отлет» от наличной действительности, человек содержит в себе решающую возможность для реализации врожденных задатков. Так, ощущения представляют собой отражения отдельных свойств каких-либо предметов при непосредственном контакте с ними.

Что касается восприятия, то оно отражает все свойства предметов в целом; при этом отдельные ощущения упорядочиваются и объединяются. Для понимания этого факта можно обратиться к музыке. Слушая музыку, мы не вычленим в ней отдельно содержание, идею, мелодию и ритм, тембр и гармонию, но «воспринимаем музыку целостно». Вместе с тем, процесс восприятия «не есть чисто логический акт, а скорее эмоциональное вчувствование в его содержание, и поэтому законы логического восприятия при всей их важности имеют подчиненное значение непосредственному движению души» [6, с.150]. В процессе возникновения восприятий можно проследить формирование художественно-творческого начала: в нем содержится не только репродуктивный момент, выражающийся в «зеркальности» отображения, но и проявляется продуктивная деятельность воображения. Посредством таких механизмов, как акцентирование (звуков, интонаций), гиперболизация, происходит актуализация предметов и явлений, воспринятых ранее и хранящихся в памяти. Одинаковые эмоциональные состояния способствуют формированию сходных в своих основных чертах представлений, отражающих мировосприятие и миропонимание древних.

Переходной формой от представления к понятию многие авторы считают «смыслообразы», «образы-понятия», посредством которых оказывается возможным совершение логических операций: суждений, умозаключений,

определений [7, с. 201]. Представление, следовательно, есть тот рубеж, пограничная ступень, на которой осуществляется переход к развитию ментального тела, или тела мысли. Непосредственным импульсом к тому явилась опора на орган зрения, благодаря чему мыслительная деятельность человека сопровождалась динамичным развитием письменной культуры. Таким образом, в истории человечества начинается новый период. Оттеснив как астральное, так и физическое тела на задний план, тело мысли становится доминирующим фактором эволюционного развития. «Как оракульски заявил в свое время Л. Фейербах, «все тайны природы скрыты в тайнах человеческого мозга». Это утверждение нашло поддержку и конкретизацию в понятии «ноосфера, которое «помогает понять, что в филогенетическом процессе шел процесс становления разума. Природа крупицами собирала свои открытия и наконец, достигла того, что разумность стала планетным явлением. Человек – носитель разума, его реальное воплощение. Но разум как геологический процесс является эмергентным эффектом всей космической эволюции» [8, с.113, 115]. Этот этап – «третье становление человека» - соотносится с человеком разумным.

Процесс развития человека есть последовательная духовная эволюция, в котором задействован весь организм как целое и который только теоретически возможно разделить на части. Логика человеческого организма такова, что процесс духовной эволюции сущности человека в принципе незавершен. Ибо универсально-бытийственные истоки антропогенеза имеют тенденцию к качественной трансформации человека. Причем, человеческое начало эволюционирует от универсального архаического типа к сложению культурно-исторической индивидуальности, обладающей неповторимым внутренним миром.

Предпринятая логическая реконструкция показывает, что доминантой самого раннего этапа антропогенеза является астральное тело человека; соответственно, правомерна характеристика первого Адама как человека чувствующего. На следующем этапе определяющим началом становится физическое тело человека, следовательно, приоритетную роль в истории играет человек умелый. Активизация деятельного начала вследствие эволюции астрального и физического тел стимулирует возможности ментального тела и закономерно приводит к становлению человека разумного.

До сих пор, как отмечалось выше, эволюция человека, особенно на ранних этапах антропогенеза, происходила спонтанно, то есть стихийно. Особенность современного этапа состоит в качественном своеобразии духовной эволюции, приобретающей осознанный характер. Благодаря интенсивному развитию разума, человек пришел к очень важным выводам. Во-первых, приходит

понимание того, что упование только на возможности разума не оправдали надежд человечества на лучшую жизнь. Вместе с тем, разум же способствует тому, что человек все больше осознает значимость центра сердца, то есть чувственно-эмоциональной сферы организма. Отсюда, во-вторых, антропологическая универсальность рождает объективную возможность управлять своими астральным, ментальным и физическим телами. Религиозная культура, как известно, с незапамятных времен акцентировала необходимость воспитания культуры чувств. Более того, видела в умении управлять эмоциональной энергией свою главную задачу. Сходные проблемы решались в эпоху секулярной культуры, где ставилась иная задача: воспитание мыслящей личности. Следовательно, можно констатировать, что в разные эпохи, разными путями человечество шло к общей цели: к формированию духовной сущности. Можно, видимо, согласиться с взглядами тех исследователей, которые отождествляют духовное с миром мысли, с ментальным телом. Однако истинная духовность немислима без гармонии с миром чувств и эмоций. Ведущая роль центра сердца состоит в том, что им обобщаются возможности слуха, тактильных ощущений и зрения, которые пронизываются смысловым значением. Сущностная задача современного человечества: умение управлять своими физическим, астральным и ментальным телами, воспитание духовного сердца, которое часто и, на наш взгляд, не совсем точно обозначают как духовное зрение (видение). «История духовного совершенствования человечества сходна с взрослением отдельной личности. С каждой новой фазой становления человек получает больше возможностей. И человечеству необходимо правильно и осознанно использовать все богатства истории» [9, с. 200].

Исходя из вышеизложенного, природа искусства коренится в его возможности оказывать воздействие на эмоционально-психологический уровень, способной оказывать (благодаря именно этим его свойствам), наиболее действенный эффект на внутренний мир человека. В этом своем качестве искусство глубоко связано с самыми тонкими проявлениями духовного бытия и близко к религии и философии. Шедевры философской классики по проблемам искусства – тому подтверждение.

И здесь следует со всей определенностью сказать о том, что приведенное суждение правомерно по отношению к исходному универсализму, тому духовному прототипу, который всего более обнаруживается на материале искусства, религии и нравственности. Перечисленные культурные формы имеют глубокие исторические корни, они являются великим духовно-эмоциональным опытом человечества, таким видом человеческой деятельности, который создает целостную картину мира в единстве чувства и

мысли. Специфика исходной духовно-практической целостности прослеживается в том, что она апеллирует, прежде всего, к чувствам, создает модель Вселенной в системе эмоциональных образов, а не логических законов. Именно потому она имеет высокую ценность, ибо в ней живет бессмертное сердце человечества, та связь времен, которая есть сама Вечность.

Искусство содержит тайны бытия; оно не отражает, подобно зеркалу, реальный мир, а соединяет внутренний мир человека с многообразным миром неисчерпаемой Вселенной и стремится раскрыть тайны, связанные с поисками смысла и человеческой жизни, и самой Вселенной. В этом плане искусство практически идентично с исходной духовно-практической целостностью по многим своим функциям и воздействию на психику индивида.

Другое дело, что с течением времени искусство все более утрачивает свои исконные креативные основания, вследствие чего и возникает вопрос о правомерности его соотношения с первозданным прототипом. Однако назвать этот процесс всеобъемлющим все же необъективно, по большому счету искусство как духовное явление живо. В такой ипостаси оно функционирует не только в контексте целостной истории культуры человечества, но и как составная часть различных богослужебных актов. Поскольку первоначально искусство имело культовый характер, то и сейчас можно обнаружить утраченный светской культурой сакральный смысл: возможность расширения духовного «сердца», «зрения» индивида, одухотворение, т.е., воспарение в инобытие, трансцендентное бытие.

Анализ искусства в контексте истории культуры отчетливо выявляет кардинальные изменения, претерпеваемые этой сферой. Магистральные тенденции следующего этапа обнаруживаются в становлении и развитии визуальной/ зрелищной культуры, доминировании пространственных видов искусства (живопись, скульптура...). В связи с чем, возникает множество проблем, которых не знали в предшествовавший период. Это, во-первых, все более активизирующееся применение природных материалов в качестве сырья для реализации художественно-творческих замыслов человека. Бескорыстное, трепетное отношение к живой природе сменяется потребительским отношением к ней как к кладовой для нужд человека, что ведет к истощению того всеобщего-универсального основания, без которого немислимы не только культура, но и жизнь как существование. Это, во-вторых, тесно связанный с первым вопрос об огромных материальных затратах (для подготовки кадров, приобретения необходимых материалов, инструментов, строительства соответствующих учреждений – учебных, выставочных, концертных...). Почему буксует культура, искусство? – Одна из серьезных причин сложившейся ситуации справедливо усматривается в жестком лимите

источника финансирования. Если и вкладывается, то в ширпотреб, в сиюминутные веяния. И, тем не менее, выход видится нами не в увеличении финансовых вложений, которые все равно не смогут составить достойную конкуренцию финансированию масскультуры. Высокое искусство неконкурентоспособно и не может стать таковым. Кроме того, материальные затраты на искусство приняли столь гипертрофированные размеры, что, во-первых, ставится вполне резонный вопрос о том, насколько адекватно такое искусство понятию духовное явление? Во-вторых, стоит ли ради искусства (искусственного артефакта, к тому же, чаще сомнительного качества) приносить в жертву живую Природу?

Ответ на поставленные вопросы возможен, по нашему убеждению, при целостном анализе места и значения искусства в контексте культуры. Новая культурно-историческая эпоха выдвигает новые задачи в сфере искусства, а именно: реактуализации духовного начала, того содержания, которое было присуще древнему искусству, значение которого актуально и в ресурсосберегающем аспекте, понимаемом, разумеется, не только в меркантильном аспекте, а как сохранении живого духа. Именно поэтому культура будущего есть осознанный выбор духовного пути как единственной достойной альтернативы так называемой эпохе рыночных отношений.

1. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4-х т. (Перевод) – М.: Искусство, 1973. – Т. 4 – 676 с.
2. Батищев Г.С. Проблема всеобщего и ее культурно-исторический смысл// Хабарлары. Известия НАН РК. Серия общественных наук, 2004, №5, с. 3-22.
3. Гегель Ф. Философия религии. В 2-х т. Т. 1-2.. – М.: Мысль, 1977. – Т. 2. – 573 с.
4. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история). – М.: Наука, 1966. – 232 с.
5. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр). – М.: Просвещение, 1968. – 302 с.
6. Петрушин В.И. Музыкальная психология: Учеб. Пособие для студентов и преподавателей. – М.: Гуманит. Изд. Владос, 1997. – 384 с.
7. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. – М.: Мысль, 1972. – 312 с.
8. Мукашев З.А. Концепция современного естествознания. Курс лекций. – Алматы: ВШП Әділет, 1998. – 150 с.
9. Шалабаева Г.К. Постигание культуры: мировоззренческие парадигмы и исторические реалии Казахстана. – Алматы: Акыл кітабы, 2001. – 420 с.

РЕЛИГИЯ

Искание Духа всегда составляло центральный «нерв» в истории человеческой мысли. Продолжая лучшие традиции в этом направлении, пытливый взор современных исследователей все увереннее воссоздает его целостный облик. В явном и неявном виде, под различным углом зрения (ракурсом видения), на различном материале эта идея развивается в работах многих отечественных мыслителей.

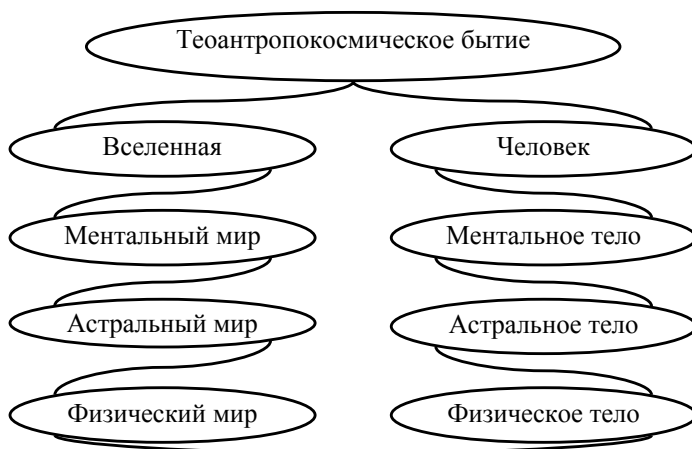
Но вот что при этом имеется в виду? Какой смысл вкладывается в понятие «Духа» как бытия «Вечности»?

Согласно духовному учению Едихана Шаймерденулы, Вечный Дух есть *agere sequitur esse*, т.е. действие, вытекающее из бытия, имеющее в качестве своего условия бытие. Субстанция Духа соотносится здесь с процессуальностью, динамическим началом, вследствие чего характеризуется как Космический закон Эволюции Духа. При таком подходе не только сам Дух, но и Бытие как одухотворенный Универсум в неразрывной взаимосвязи Вселенной и Человека представляют бесконечно полнее, раскрывая эвристическую сущность акта Мироздания.

Дискурсивное суждение, приведенное выше, звучит в оригинальном авторском тексте так: «По воле Всевышнего вся Вселенная движется и развивается согласно семи основным Космическим законам» [1, с. 6]. Основным, из которого исходят остальные Космические законы, является закон Эволюции Духа.

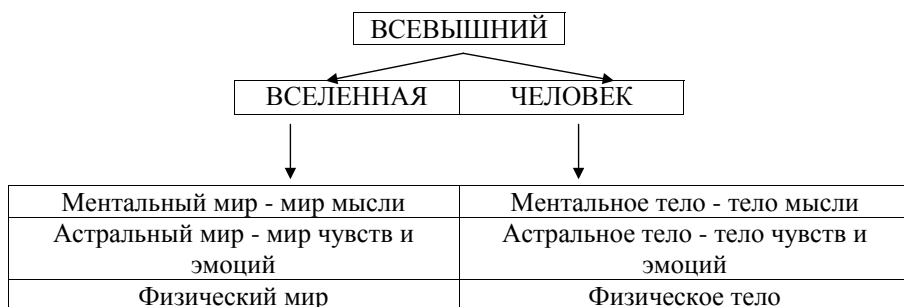
Всеобщее действие закона Эволюции Духа имплицировано в его структурных закономерностях, представляющих собой триадный принцип: ментальный план - астральный план - физический план.

Схематически это имеет следующий модельный вид:

В представленной модели ментальный мир есть, согласно авторской интерпретации, мир мысли; соответственно, ментальное тело человека есть тело мысли. Аналогичным образом обстоит дело с астральным миром, который есть мир чувств и эмоций, а астральное тело человека - тело чувств и эмоций. И, наконец, физическое тело человека классифицируется как инструмент восприятия и познания окружающего мира.

Проиллюстрируем вышеизложенное в таблице:

Процессуальность Теоантропокосмической Онтологии раскрывается автором посредством образа Храма:

- Сначала в высших уровнях ментального мира зарождается идея храма. Затем эта мысль живет в сознании зодчего и обретает условную форму в виде чертежа храма.

- Теперь, когда проект храма полностью созрел, он проваливается в высший уровень астрального мира. Здесь проект обретает форму в виде начальной модели храма. Эмоции зодчего совершенствуют модель.
- После этого проект архитектора перейдет в мир физический и начнется воплощение в материю замысла, пришедшего из астрального мира совершенных форм» [1, с. 39 - 40].
- Здесь слова «идея» - «условная форма» - «совершенная форма» - «начальная модель» - «материализация замысла» предстают как опорные понятия, характеризующие эволюцию Духа.

Для наглядности воспроизведем ее в таблице:

Ментальный мир: идея	Ментальное тело: условная форма
Астральный мир: начальная модель	Астральное тело: совершенная форма
Физический мир, физическое тело: материализация замысла	

Пример с Храмом есть метафорическое воссоздание духа и его исходных ипостасей, а именно: мифа, нравственности, искусства, религии. Верхний уровень составляет религия, образуя ментальный (духовный) континуум. Следующий уровень включает два подуровня и соотносится с нравственностью и искусством. В пользу того, что именно такое «прочтение» соответствует истине, свидетельствуют следующие строки автора: «Слияние с миром Божественной мысли порождает и божественные по своей значимости произведения искусства». Изначально совершенная форма актуализируется, по мысли исследователя, в музыке, «как наиболее доступном и универсальном средстве отображения того, что испытывает бессмертная душа верующего при соприкосновении с Высшими Мирами» [1, с. 189-190]. К такой духовной музыке мыслитель относит католический гимн «Ave Maria!», богослужебную музыку, произведения Баха, Моцарта, Бетховена, классическое искусство Степи көк, то есть казахские кюи. И, наконец, венчает этот совместный творческий акт созидания миф, синтезирующий все культурные формы: религию - нравственность - искусство.

Не следует понимать, воспринимать так, будто эти культурные формы даны человеку /человечеству/ в готовом виде. Для уяснения этого процесса воспользуемся опять-таки образом Храма. Изложенный мыслителем план детально расписывает этапы этого процесса. Вначале эти культурные формы существовали как идея. Затем стали приобретать условную форму. Постепенно

формируется их начальная форма. По воле Всевышнего, в ходе Эволюции Вселенной они приобретают совершенную форму в виде духовно–практической целостности, в недрах которой происходит становление отдельных явлений культуры.

И это доказывает религия, жизнь которой оказалась поистине вечной. Жизнеспособность религии обеспечивается высокой степенью сакрализации, константностью духовного содержания, которые явились тем фундаментальным основанием, на котором совершаются все метаморфозы. Менялось и содержание самого понятия «религия». На наш взгляд, из всего множества интерпретаций понятия «религия» приемлемо то значение, которое возвышает, окрыляет человека, даря ни с чем несравнимую свободу духа. Культурная история человечества изобилует примерами, подтверждающими подобное суждение. Общеизвестно решающее воздействие Библии на формирование западного культурного типа, идеи, образы, нормы которой по сей день входят в духовную сокровищницу христианского мира в качестве идеалов и образцов, определяющих менталитет общества и модусы культуры. Столь же весомы место и значение ислама, выросшего на традициях таких монотеистических религий, как тенгрианство, буддизм, христианство, иудаизм. «Ислам – это не просто религия, это целостная цивилизация и культура, государство и право, мусульманская история, философия и искусство», – утверждают российские философы Ю.Г. Волков и В.С. Поликарпов [2, с. 258].

Будучи вечной, существующей на протяжении всей истории человечества, религия обладала разными мерами «проявленности», «выделенности» в рамках культурного целого. В этом аспекте религия как ипостась духовности имеет два измерения. Традиционный подход очерчивает его конкретным культурноисторическим периодом и ареалом. Как целостность религия имеет единый исток, на основе которого были выработаны ключевые константы, оказавшиеся исходными для всего последующего развития человечества. Религиозному, вернее, духовно-практическому сознанию древнего человека присуще восприятие мира как одухотворенного континуума, в котором имеются «священные места» и «священные дни», то есть «праздники» как средства космологизации бытия [3, с. 162]. В средневековом религиозном бытии пространство и время предстают удвоенными. «Существует пространство «от мира сего» (мирское пространство, в которое входит как бытовое, так и социумное его измерения) и превосходящее его по значимости пространство «не от мира сего» (сакральное пространство)». Абсолютной пропасти между сакральным пространством и пространством мирским, секулярным, конечно, не существует: «ведь оба они суть творения Бога» [3, 29, с. 142]. Взаимоотношения между вечным духом (Богом) и преходящей

материей (земными благами) осознаются человечеством как Откровение через страдание, примером чему может послужить вся история человечества.

Если судить по историческим примерам, обстоятельства, способствующие духовному и секулярному прогрессу, зачастую не только различны, но и прямо противоположны. Духовный и светский идеалы постоянно сражаются между собой за господство над человеческими душами. Во времена «успехов и процветания души людские глухи к зову Духа и, напротив, они улавливают даже слабый шепот его, когда суетные мирские дела заканчиваются катастрофой. Когда дом, который возвел человек, рушится, и он вновь оказывается под открытым небом, подвластный всем стихиям, он опять поворачивается лицом к Богу, чье вечное присутствие не отгорожено теперь тюремной стеной, воздвигнутой самим человеком» [4, с. 536].

Это верное, по сути, высказывание показывает, сколь труден путь духовного восхождения. Секулярный прогресс связан и связывается, прежде всего, с материальным достатком, то есть со сферой преходящей материи. А потому неправомерно характеризовать ее термином светская культура. Ибо свет это все-таки вечный дух, а не «тюремная стена», как справедливо замечает сам автор. Поэтому, переходя к обобщениям, полагаем целесообразным определения «секулярная культура», «секулярное искусство», вместо определений «светская культура», «светское искусство».

Справедлива точка зрения, согласно которой религия имеет вербальную, то есть устную форму. Соответственно Слово становится предметом исследования. И это в целом верно. Оно обусловлено бездонностью той мудрости, которая составляет суть сакрального Знания. Затем появились Священные письмена. Вместе с тем, форма Слова пока не становилась предметом специального исследования. Между тем, содержание Духовного Знания складывается из единства содержания и формы. Показательна в этом отношении структура религиозного культа: он мог включать иконы и скульптурные изображения божеств или исключать всяческие изображения (как иудаизм и ислам), мог организовывать священнослужение в храме или обходиться без помощи архитектуры; мог использовать язык танца или не признавать его, но нет ни одной религии, которая не имела бы своим главным инструментом живое, звучащее, молитвенное Слово – полупроизносимое, полупапеваемое, то есть принадлежащее одновременно и ораторскому искусству, и музыке, уникальность которого в биотическом (от био – греч. жизнь) воздействии живого информационно-энергетического поля.

И, как указывалось выше, это есть Слово музыкальное, то есть нераздельный синкретизм Слова и Музыки, являющийся в подобном качестве наиболее доступным и универсальным видом общечеловеческой культуры,

через который прошли все древние племена. Следовательно, истоки религии как явления устной культуры подтверждают ее исходно универсальный характер. Они также способствуют исследованию природы религии как культурной формы, выражающей духовный рост человечества. Первые формы долгое историческое время сохраняют связь с первоисточным единством в идее Синего Неба как Духовной родины человека. Человек приходит оттуда и уходит туда же, к Отцу своему Небесному. Затем наступает Эпоха пророков, когда Всевышний обращается к людям через своих посредников, Космических Посланников. «Вначале человечеству, находившемуся еще в эволюционно детском возрасте, был послан пророк Моисей, и через него Творец заключил Первый Завет – Договор с человечеством.

Затем пришел Будда и принес Космические законы Эволюции, Кармы и Перевоплощений» [1, с. 26]. «В низкий, грубый и оттого страдающий мир пришел тот, кто спасает людей. Он пришел потому, что не захотел уйти навсегда – не захотел ради нас, ради нашего счастья. Он пришел, хотя его больше нет с нами; его больше нет – но он среди нас» [5, с. 115].

Дальнейший духовный рост человечества связан с христианством, которое есть новый возрастной этап: отрочество. Христианство перенесло центр тяжести во внутренний мир человека, создав тем самым напряжение между духовным и природным началами, что придало небывалую напряженность внутренней жизни личности. «Греческий мир не знал обостренной чувственности именно потому, что ему неведомо напряженное отношение к чувственности; она выступает как природное, естественное начало, которое никому не приходит в голову изгонять и запрещать». Вступив в конфликт с духовным началом, чувственность перестала быть непосредственно-естественной. Поскольку она теперь – враг духа, чувственность, «выступающая как антипод духа, впервые приобретает значение отрицательно-духовного», - отмечает П.П. Гайденок [6, с. 164]. И в этот критический для человечества период человеческой матерью был рожден Иисус Христос – Спаситель, который своей чистой кровью доказал, что человечество остается верным Духу, духовному началу, - продолжает эту мысль другой исследователь Едихан Шаймерденулы - Ак Сарбаз [1].

И, наконец, следующая духовная ступень - заключение Последнего Завета – Договора через последнего Пророка – Мухаммеда с уже с совершеннолетним, полностью ответственным за свои деяния человечеством. «Духовный цикл совершил полный оборот и вернулся по эволюционной спирали к своему исходному началу» [1, с. 26-27].

Таким образом, стереоскопический (объемный, голографический) взгляд на эволюцию духовных Учений в преемственной взаимосвязи способствует

определению места и значения религии в целом и мировых религий в частности. Историко-философская интерпретация религии как целостности позволяет глубже понять противоречия, содержащиеся в христианстве, которые обусловлены космическим законом эволюции духа (Едихан Шаймерденулы). На наш взгляд, назначение религии целесообразно понимать именно в этом аспекте, а не в том, что в этом брэнном мире одна конфессия одержала победу над другой, физически истребляя иноверцев. Более того, мировые религии следует трактовать не только в земном, а в своем истинном – духовном значении. Только тогда возможно экзистенциальное (смысложизненное) понимание религиозной культуры как духовного явления.

В нашу задачу не входит рассмотрение развития религии в историческом, вернее, историко-географическом аспекте. Укажем только, что, несмотря на уверенные прогнозы, религия не есть отжившая архаика. Напротив, многие культурные деятели констатируют, что доминирующей социальной тенденцией современности является десекуляризация мира. Это обнаруживается не только в возрождении традиционных религий. Наряду с ними возникают модернизированные религии, которые формируются в результате взаимодействия различных духовных традиций и представляют итог пересечения секулярной и религиозной мысли. Возрождение религии, «реванш богов» рассматривается также как благоприятный фактор, который «создает основу для идентификации и сопричастности с общностью, выходящей за рамки национальных границ, для объединения цивилизаций» [7, с. 133]. В этом и состоит истинное предназначение религии как духовно-культурного феномена.

1. Жихан Желтоксан (Едихан Шаймерденулы). Ак Сарбаз. – Алматы, 2014 <http://xn--80aaa1brkt0a3m.xn--80ao21a/catalog/140616/140616-001.htm>
2. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энциклопедический словарь. - М.: Гардарики, 1999. – 347 с.
3. Хамидов А.А. Категории и культура. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 240 с.
4. Тойнби А. Постижение истории. Сборник/ Пер.с англ. Е.Д.Жаркова. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 640 с. - с. 536.
5. Колчигин С.Ю. Загадка Будды (Книга – гипотеза). – Алматы: Издание Института философии МН – АН РК, 1997. – 128 с.
6. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. – 495 с. – (Философия на пороге нового тысячелетия).
7. Гуревич П.С. Культурология. Учебник для вузов – М.:Проект, 2003 г.–336 с.

ФИЛОСОФИЯ

Согласно прогнозам современных мыслителей, новая эпоха все явственнее дает о себе знать: поляризация материального и духовного достигла своего апогея и медленно, но верно осуществляется поворот к приоритету духовности как смысложизненному основанию бытия. И это закономерно. Мир становится иным, вместе с миром меняются и люди, «интерес которых к духовным и материальным ценностям никогда не был величиной постоянной» [1, с. 7]. Но, как бы ни менялся мир, он никогда не терял интереса к проблемам духа, духовности, аргументом чему вся история человечества. В этом и заключается универсальность культуры как развивающегося феномена. В том, что каждой социокультурной действительности соответствуют та или иная ее форма и мировоззренческие ориентации, эквивалентно выражающие и отражающие запросы общества.

Вместе с тем, смена культурных сфер – сложный процесс, имеющий различные варианты в разное историческое время и в разных ареалах Земли. Сходство локальных культур прослеживается в действии закона преемственности, который представляет собой один из важных моментов развития. Одним из проявлений этой преемственности является повторяемость, другим же — непрерывная связь между ступенями развития. Благодаря тому, что линия развития не прерывается, стебелек, подпитываемый своим корнем, основанием, вырастая, расцветает, дает завязь и приносит зерна. Как в преемственной смене поколений имеет место продолжение рода человеческого, так преемственность в культуре осуществляется через взаимодействие имеющихся и вновь возникающих форм. Таким образом, происходит активное переосмысление опыта предшествующих эпох.

На современном этапе стержнем духовной культуры выступает философия как рефлексия о многообразии человеческого опыта в ракурсе отношения „Мир – Человек”. Независимо от особенностей тех или иных направлений и школ, своеобразие задач современной философии состоит в осмыслении ситуации тотальной угрозы существования человечества, ее оценке и выработке адекватной системы ценностей. Определяющим сегодня является «формирование мировоззрения или сознания, адаптивного глобальному образу жизни», которое есть «дело философии, оправдывающее ее место в исторической жизни культуры» [2, с.35-36].

Этот момент определяет предмет и назначение философии, очерчивает своего рода магический круг, вбирающий в себя наподобие лепестков ромашки всю историю человеческого общества. Это, в свою очередь, предполагает своего рода восхождение от многообразия конкретных форм философствования

к ее основаниям, то есть к пониманию существа самой проблемы. Можно поставить вопрос: а существует ли реальная общность такой проблемы, существует ли некая единая тема теоретического и жизненно-практического бытия? Или не существует такого общего признака, который мог бы быть положен в основу единства философии?

Этот вопрос тем более актуален, что кризис классической/ теоретической философии и катаклизмы современной жизненной реальности совпали по времени (в хронологическом смысле). На наш взгляд, синхронность деградационных процессов в философии как теории и культуре как жизни обусловлена существенными закономерностями концептуального порядка. В равной мере необходимыми предпосылками философии являются и обыденная реальность, обеспечивающая принципиальную «открытость» философии по отношению к жизненной практике, и формирование философского мировоззрения, разработка научно-терминологического аппарата. Не только работа с понятиями, но и философствование на уровне обыденного сознания задают исходные координаты философской культуры. Вместе с тем, результаты обыденного сознания и теоретический образ мира не могут сочетаться механически, их взаимосвязь предполагает достаточно сложную «стыковку». Именно подобная «стыковка» является важным условием для выхода из тупика и для философии как сферы культуры, и для современного человечества на уровне социального жизнебытия. Осознание этого и есть условие для формирования целостной структуры философии.

Такой подход к философии противостоит представлению о ней как о сугубо высокой культуре, опирающейся на рациональную обработку разумом, результатом которого является своего рода теоретическая надстройка над жизненным миром. Подобное представление включает в себе опасность недооценки качественного своеобразия философии, которая неизмеримо сложнее упрощенных представлений о ней как о «надстройке» над фундаментом. Для последнего все обстоит достаточно просто. Признается наличие некоего базового слоя познавательного содержания, который изображается как некое субстанциональное, замкнутое в себе образование. С ним, с точки зрения классической/ теоретической философии, должна сообразоваться специализированная деятельность интеллектуальной элиты в системе культуры. Сам же этот уровень содержания независим от какого-либо рода внешних по отношению к ней фактов ситуативного бытия.

Таким образом, определение духовно-практическое бытие – это в некотором смысле ключевое понятие философии. Ведь именно жизненная действительность во всех своих многообразных проявлениях обеспечивает открытость философии, приток внешней информации для последующей

аналитики. Позитивность выявления различий теоретической и духовно-практической сфер состоит, таким образом, в выделении их всеобщего основания, которое с необходимостью предполагает выявление сути философии. Оно связано с выходом за пределы духовно-когнитивного бытия, что способствует созданию нового ситуативного пространства, в котором философ находится в эпицентре жизненного мира. Само его осуществление предполагает выход в жизненную практику, анализ и обобщение фактов повседневной действительности. А потому принципиально отлично от методов логической, рациональной работы теоретического сознания, которое имеет дело с уже вычлененной и получившей объективированное выражение информацией, где активная роль мыслителя проявляется менее рельефно. Следует подчеркнуть, что функция ситуативного бытия состоит не в том, что оно выводит человека на твердую почву абсолютной ясности и очевидности, а в том, что постоянно расширяет горизонт непознанного, неизведанного, задает проблемные ситуации, ставит перед человечеством новые задачи.

Для нас, наследников духовной культуры Великой Степи, понимание места и значения философии в формате взаимодействия духовно-практического и духовно-теоретического уровней бытия актуально вдвойне, поскольку отвечает глубинной природе казахской философской мысли, и сегодня сохраняющей свою жизнеспособность в качестве способа выражения народного духа. Как известно, формирование национальной формы философского освоения действительности происходит, прежде всего, посредством языка. Обосновывая данное положение, известный мыслитель О.А. Сегизбаев приводит случай, когда Гегеля попросили изложить свою философию более доступно и на французском языке. На что он высокомерно заявил: «моя философия не излагается доступно и тем более на французском языке» [3, с. 13].

Не случайно в последние годы не утихает дискуссия вокруг проблемы языка, особенно в постсоветских республиках, включая Российскую Федерацию, что вполне естественно, ибо забота о языке, культуре языка, его имманентном развитии тесно связана с идеей свободы, с идеей независимости. Свободный народный дух не просто обретает свой очаг, свой дом, свою Родину, но ищет средства своего свободного волеизъявления, формы своего самовыражения, главной из которых и является родной язык.

«На первый взгляд кажется, что проблема языка не столь важна, как скажем, экономические и политические проблемы, однако это не совсем так. Язык – воплощение духа народа, выразитель состояния его души, его внутренних душевных потенций, его состоятельности быть не только здесь и теперь, но и в далеком будущем» [4, с. 3]. Один из российских ученых-

языковедов В.П.Григорьев, также озабоченный состоянием культуры языка и языковой политики в России, мечтательно пишет: «Как будет прекрасно, когда забота о языке на деле станет у нас в один ряд с заботами о нефтедолларах и газопроводах!» и скептически вопрошает: «Станет?» [5, с. 143].

Переходя к казахской философии, следует отметить, что она имела много общего с философской мыслью народов других стран; вместе с тем «в ней отразились и особенности жизни самих казахов. А особенности эти были обусловлены особенностями кочевого хозяйства и образа жизни, а также влиянием той социально-культурной среды, в которой протекала их историческая жизнь» [1, с. 19]. Как справедливо подчеркнул профессор М. Орынбеков: «Для казахского общества характерно философствование в нефилософских формах на уровне универсалий мировоззрения, которые формируют человеческую деятельность. Потому восточные философы утопают в традиционных художественных и религиозных текстах, что побуждает историков философии исследовать философские системы в социокультурных аспектах, изучать тексты мировоззренческого плана» [6, с. 12].

В то же время, оригинальная самобытная философская мысль казахского народа не замыкалась в строго национальных рамках. Анализ показывает, что она выходит на общечеловеческий уровень по основам свободомыслия, проблемам гуманизма, этики, государства, общества и человеческой личности. Социальное бытие казахов отражалось в политических воззрениях мыслителей: жырау и акынов, биев-шешенов, ханов и батыров.

Одним из них был первый казахский жырау, выдающаяся и легендарная личность Асан-кайгы (XV в.). Он был творцом нового учения о «Жер-Уйык» («Земля обетованная»), ставшего мировоззренческой и духовной основой концепции создания независимого казахского ханства, самостоятельной казахской государственности.

Что такое Жер-Уйык? Это страна, в которой отсутствуют голод и болезни, ей никогда не угрожают враги, а сами люди Жер-Уйыка не знают вражды и ненависти. Там царит равноправие и всеобщий материальный достаток. На этой обетованной земле никогда не случаются природные катастрофы, а реки и озера полны чистой воды, травы сочны и густы. Там все наполнено таким глубоким покоем и безмятежностью, что «жаворонки выют свои гнезда в густой шерсти баранов».

Так вот, казахский мыслитель Асан-кайгы ставил проблему устойчивого развития государства, он искал благодатное место для жизни своего народа — «Жер-Уйык». Асан-кайгы (Асан-печальник) был реальной исторической личностью, патриотом своего народа. Ч. Валиханов назвал его «кочевым

философом». Он первым заложил краеугольный камень казахской философии. Недаром народ прибавлял к его имени эпитет «кайгы» (печаль). У казахов данный эпитет употреблялся по отношению к людям высокой нравственности, много повидавшим и мудрым, тонко и глубоко чувствующим.

Философской печалью были пронизаны его мысли о будущем. Дело в том, что XV век, в котором жил Асан-кайгы, был временем тревожным. Это было время распада Золотой и Белой Орды и началом формирования казахского народа и его государственности. Поистине, это была “эпоха перемен”, в которую в результате внутренних и внешних противоречий и разногласий и распалась Алтын Орда. Именно поэтому философ Асан-кайгы выдвинул на первый план идею устойчивого развития государства на земле обетованной. Именно поэтому он настойчиво искал для своего народа «Жер-Уйык». При этом его одолевали сомнения: смогут ли последующие поколения удержать свободу и независимость, укрепить государство и остаться обладателями земли обетованной, доставшейся им в наследство? Отсюда трагизм мироощущения Асана-кайгы, остро переживавшего дальнейшую судьбу родного казахского народа. Этот степной мудрец стал главным идеологом формирующейся в XV веке казахской государственности — Казахского ханства. Асан-кайгы мечтал о том, что «Обетованная земля» должна стать местом счастья и равноправия людей.

Среди казахских жырау, продолживших традиции Асана-кайгы, особо следует выделить творчество Бухар-жырау (1693-1787). Время его жизни совпало с периодом жесточайших испытаний, выпавших на долю казахского народа. На казахскую землю напали джунгары. Казахи переживали крайне тяжелые времена, что было также связано с наличием внутри казахского общества мелких клановых интересов, межродовых распрей, одерживавших верх над национальным патриотическим долгом.

Будучи советником Абылай-хана, Бухар-жырау очень много сделал для объединения всех трех казахских жузов в единое централизованное государство, а также в нанесении сокрушительного поражения джунгарам. Бухар-жырау был идеологом прочного единства казахского общества. В своем творчестве он выразил сочувственное отношение к положению угнетенного человека; протест против несправедливых войн, любовь к народу, семье, культуре; право человека на счастье и справедливость.

Далее казахские просветители XIX века — Абай, Чокан, Ибрай Алтынсарин и Шакарим Кудайбердиев - впервые в истории казахской общественной мысли высказали идеи общественного прогресса, идеи развития традиционного казахского общества. Фундаментальную роль науки и

просвещения они видели в дальнейшей судьбе казахского народа, особенно в условиях выживания в составе царской Российской империи.

В конце XIX — начале XX века в рядах казахской интеллигенции возникло заметное партийно-политическое движение «алашевцев». Его возглавили такие яркие личности, как А. Байтурсынов, А. Букейханов, М. Жумабаев, М. Дулатов и другие. Они боролись за национальное освобождение и самоопределение казахского народа. За это они отдали свои жизни — так бесчеловечно расправились с ними большевики. Но им не удалось стереть светлую память казахского народа о деятелях Алаш-Орды. Это связано с тем, что Алаш-Орда смогла изменить мышление общества, внося в него самые передовые идеи свободы и демократии, социальной активности и национального достоинства.

Следует, видимо, отметить то обстоятельство, что знание истории философии вообще и истории казахской философии в частности нужно вовсе не для интеллектуальных упражнений, а для того, чтобы, усвоив основные идеи мыслителей прошлого, пронести их дальше и проторить дорогу новым идеям, созвучным духу времени.

В свете сказанного рельефно высвечивается актуальность духовного наследия Великой Степи в контексте сохранения культурной самобытности, национальной и культурной идентичности, независимости республики и формирования нового общественного сознания. Благодаря государственной программе «Культурное наследие», разработанной в контексте Послания Президента Н.А.Назарбаева народу Казахстана от 4 апреля 2003 года и принятое к исполнению Национальным Советом Республики Казахстан, стало возможным издание двадцатитомника «Қазақ халқының философиялық мұрасы» («Философское наследие казахского народа»). В этом уникальном издании впервые на постсоветском пространстве была поставлена крупномасштабная задача создания полноценного фонда для гуманитарного образования на государственном языке.

Так, в первом томе «Ежелгі көшпелілер дүниетанымы» («Мировоззрение древних кочевников») представлены мифологические источники культуры мышления казахов, легенды древних тюркских народов о мироздании, о мифологии и религиозном вероисповедании тюркских народов до возникновения ислама.

Во второй и третий тома «Әл-Фараби философиясы» вошли особо значимые труды мыслителя средневековья Аль-Фараби. Во втором томе нашли отражение онтологические, социально-политические и этические взгляды ученого. В третьем томе предложены основные труды Абу Насыра Аль-Фараби, в которых автор анализирует философские взгляды Платона и Аристотеля, разделение наук и вопросы логики.

Том 4 – «Ислам философиясы», где представлены религиозно-философские труды Ходжа Ахмета Яссауи, Матуриди, аль-Фараби, Баласагуни, Иугиники, Бакыргани, Софы Аллаяра и других. Отобраны лучшие тексты, которые могут стать религиозно-этической основой современной духовной культуры.

Том 5 – «Орта ғасырдағы түркі ойшылдары» («Тюркские мыслители средневековья»). Здесь собрано духовное наследие видных тюркских мыслителей средневековья в пространстве Средней Азии. Начиная с памятников Орхон, являющихся наглядными образцами тюркской письменной культуры, наряду с поэзией Огузнама, книгой Коркыт Ата, в нем приведены очень редко встречающийся текст «Кодекс Куманикус», избранные тексты произведений таких известных в тюркском мире великих мыслителей, как Махмуд Кашкари, Жусип Баласагуни, Ахмед Иугинеки, Рабгузи, Кутып, Хорезми, Хусам Катиб, Сайф Сарайи.

Том 6 – «Қазақтың тарих философиясы» («Казахская философия истории»). В него вошли избранные труды, касающиеся казахской философии истории. Проанализированы исторические произведения Отемиса кажы, Бабыра, Дулати, Абилгазы, К.Жалайыри, К.Халида, дается анализ их философских мировоззрений и общей казахской философии истории.

Том 7 «Қазақтың халық философиясы», где впервые казахская народная философия рассмотрена в качестве предмета историко-философского анализа. За идеологическую и документальную основу тома выбраны лучшие образцы устной народной литературы, отрывки из изречений мудрых. Казахская народная философия, ее гуманистический потенциал показаны как неразрывный источник и средство всестороннего познания казахов как народа и нации.

Том 8 «Қазақ ақын-жыраулар философиясы» («Философия казахских акынов-жырау»). В данном труде по антологическому принципу отобраны философские умозаключения акынов-жырау.

В томе 9 «Қазақтың би-шешендерінің дүниетанымы және философиясы» («Мировоззрение и философия казахских би-шешенов») впервые сделан историко-философский анализ мировоззрения и философии казахских би-шешенов. Собраны распространенные в устном народном творчестве образцы искусства риторики шешенов и би-шешенов. Цель книги – показать духовное богатство казахского народа и формирование национальной идеи, преемственности познаний казахов. В выборе текстов за основу взяты образные виды, народный характер искусства риторики казахского народа, историко-философский взгляд на традиции риторики и национальной культуры мышления.

Том 10 «Қазақ ағартушыларының философиясы». В этом томе, составленном по антологическому принципу, приводятся философские мысли казахских просветителей, которые являются значительной ступенью в духовном развитии народа. Отобраны лучшие произведения Чокана Валиханова, Ыбырай Алтынсарина и Абая, отражающие их философское мировоззрение.

Одиннадцатый том – «XX ғасырдың басындағы қазақ философиясы». В начале XX века в казахском обществе появилась плеяда молодых звезд, в корне мыслящих по новому. В данном труде впервые показаны основы идеи национальной независимости казахов. Приведены отрывки из произведений Шакарима, видного представителя профессиональной философии нашего народа.

Том 12 «Қазақ этикасы мен эстетикасы» состоит из 3-х частей. Первая часть состоит из подборки текстов по казахской этике и эстетике. К таким текстам относятся свойственные казахской традиционной культуре виды добрых пожеланий человеку, как благословение (бата беру), примеры обряда венчания, представленные в художественной форме. Вторая часть тома состоит из научно-исследовательских статей, посвященных становлению казахской этики, ее основным образцам и категориям, видным деятелям казахской системы воспитания. Последняя часть книги состоит из исследований эстетиков, искусствоведов и философов, посвященных типовым знакам казахской эстетики, личностям и начальным этапам в становлении казахского художественного искусства, проблемам философии.

Том 13 «Диалектикалық логика» посвящен одной из областей профессиональной философии – диалектической логике, ее основным принципам, законам и категориям. Читатель сможет ознакомиться с тем, что такое диалектика в функции логики, то есть каков сам предмет диалектической логики. Наряду с этим диалектика представлена как система развивающихся и переходящих друг в друга категорий. В составлении данной работы принимали участие ученые, явившиеся основателями школы диалектики в нашей республике, классиками в разработке проблем диалектической логики.

В том 14 «Философия тарихы» вошли труды казахских философов, охватывающие широкий историко-философский процесс, начиная с этапов методологии историко-философского развития, истории развития философии до проблем нынешней философии и показано развитие историко-философской науки в Казахстане.

В томе 15 «Ғылым философиясы және әдіснамасы» даны избранные труды, подобранные в ходе системного исследования философско-методологических проблем естественных и общественных наук.

Том 16 «Фарабитану» посвящен одному из ведущих направлений профессиональной философии – фарабиеведению. В нее вошли избранные труды казахстанских ученых, раскрывающие с разных граней энциклопедическое наследие Абу Насыра аль-Фараби.

В том 17 «Әлеуметтік философиясы» вошли труды с публикациями исследований философов Казахстана по ключевым проблемам социальной философии. В книге анализируются основные проблемы казахстанского общества, а также направления и перспективы развития социальной среды; всесторонне обосновывается тесная связь развития общества с творческой деятельностью людей и влияние различных факторов на становление личности.

Том 18 «Таным теориясы» посвящен специальной сфере профессиональной философии – теории познания. Здесь теория познания по своей сути исследована как рациональное явление, ведущее личность к действительности. В том вошли труды видных ученых Казахстана, внесших значительную лепту в формирование теории современного познания.

В 19 томе «Философиялық антропология. Мәдениет философиясы. Дін философиясы» собраны произведения современных казахских философов в сфере философской антропологии, философии культуры и религии. В трудах, вошедших в сборник, всесторонне охарактеризованы стороны философского мировоззрения казахского народа, нашедшие свое отражение в основных проблемах вышеназванных сфер философии, показаны глубокое содержание и полнота казахской философии.

В том 20 «Тәуелсіз Қазақстан философиясы» вошли выдержки из трудов специалистов по ключевым проблемам современности, определяющих философско-мировоззренческую направленность и облик новейшей истории независимого Казахстана. В трудах авторов дается философское осмысление проблем современной национальной философии, значения и специфических особенностей тенденций глобализации [7].

Данный двадцатитомник – это только первый шаг на пути философского познания народа и государства. Краткий обзор показывает, что изучение страниц философской культуры проводится многогранно и многоаспектно, не только как уникальное достояние Великой Степи, но и как всеобщее наследие человеческой цивилизации. Все новые труды ученых по проблемам казахской, тюркской, арабо-исламской и казахстанской философии, а также I Казахстанский философский конгресс «Философия в современном мире: стратегии развития» - тому убедительное доказательство [8].

Таким образом, следует указать на то, что в нашей стране достигнут значительный прогресс во всех сферах общественной жизни и, самое главное, можно и нужно сказать, что независимое казахское национальное государство в

лице Республики Казахстан состоялось и оно уверенно и поступью шагает вперед к высотам социально-экономического и духовного развития. Все многообразие проблем модернизации общественных отношений, развития человеческого капитала, укрепления единства и духовного согласия в казахстанском обществе выдвинуло перед философами республики большие и ответственные задачи, суть которых состояла в необходимости оперативного осмысления и решения мировоззренческих, методологических и иных смысложизненных проблем движения по пути независимости. Иначе говоря, создания своеобразной национальной философии независимости, которая, с одной стороны, соответствовала бы сложившимся традициям казахской философии. С другой, находилась бы в фарватере развития мировой философской мысли. И с третьей, учитывала бы все модернизационные процессы, имеющие место быть в общественно-политической, социально-экономической и духовно-нравственной сферах в жизни республики.

Краткое обозрение истоков и сущности философии в контексте духовной культуры, можно заключить, что контуры национальной философии явно обозначены в коллективном духе мыслителей прошлого и современности. Следует, видимо, согласиться с мнением академика А.Н. Нысанбаева, который, характеризуя состояние дел в философии Казахстана, пишет: «Философия взаимопонимания - одно из основных и весьма перспективных направлений в казахстанской философии сегодня. Истоки этой философии в традиционной казахской философии и философии аль-Фараби. Современная казахстанская философия соединяет в себе духовный потенциал Востока и Запада, Азии и Европы» [9, с.37].

1. Сегизбаев О.А. История казахской философии и социально-политической мысли. От архаичных представлений древних до учений развитых форм XIX – первой половины XX в. Учебник для вузов. Переработанное и дополненное издание. – Алматы. Билим. 2006. - 406 с.
2. Ибжарова Ш.А. Современные тенденции философского образования// Философский альманах, 2005. - №3, с.34 - 39.
3. Ойзерман Т.И. Философия Гегеля - М., 1956.
4. Сабит М. Философия языка и анализ языковой ситуации в Казахстане// Тіл – рухани құндылық. Язык – духовная ценность. Сборник материалов республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 80-летнему юбилею КазНПУ имени Абая. – Алматы: КИЕ лингвострановедческий инновационный центр, 2008. – 212 с. – С. 4-9.
5. Общественные науки и современность. – 2003. - №1. – С.143.

6. Орынбеков М.С. Предфилософия протоказахов - Алма-Ата: Наука, 1976. - 144 с.
7. «Философское наследие казахского народа» (20 томов) – Алматы: Аударма баспасы, 2004 - 36 с. (каталог на каз., рус. и англ. яз.).
8. Философия в современном мире: стратегии развития. Материалы 1 Казахстанского философского Конгресса (Алматы, 27-28 сентября 2013 г.). – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. – 818 с.
9. Нысанбаев А.Н. Философия взаимопонимания. Алматы: Главная редакция «Казак энциклопедиясы», 2001. - 544 с.

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(на материале книги Фрэнка Перетти «Посещение»)

В XXI веке необычайно активизировалось религиозное сознание, всплеск религиозной культуры. Можно было бы только приветствовать эти веяния как симптомы духовной эволюции человечества. Если бы не «но», а именно: стремление во что бы то ни стало навязать свои духовные устремления, веру. В связи с излишней назойливостью эта тенденция таит в себе опасность духовной унификации. Во-вторых, подобная активность волей-неволей вызывает противодействие. В-третьих, ослабляет умение мыслить; человек барахтается в плюрализме течений, направлений, «великих Учителей прошлого и современности»; он просто-напросто теряется в этом избыточном пространстве и не способен принимать самостоятельное решение в пользу того или иного вероучения.

Подобное оказалось возможным потому, что сегодня имеется обилие продуктов религиозной культуры. Разнообразны и формы издания: специальные научные и научно-популярные издания, учебники, учебные пособия, художественная литература религиозного содержания, аудио-видео-записи. И это, в целом, запрос современной жизни; нужна литература, адекватно дающая ответы на вызовы современности. Иными словами, востребована новая литература, предназначенная для нового поколения, новой ментальности.

Большой интерес в свете сказанного представляет книга Фрэнка Перетти «Посещение», в которой дается анализ места и значения религии в современном американском обществе. Сразу отметим, что книга от начала до конца проникнута высоким духовным смыслом, метафизическим (глубинно философским) содержанием. За, казалось бы, интригующим сюжетом, динамичным развертыванием событий наличного бытия ясно «читаются» глубокое идейное содержание и ответы на животрепещущие вопросы современности, в том числе, о природе духовного начала, о Боге, о религии и религиозной вере, о Лжехристе. Доходчиво, без ложной высокопарности, честно анализируя свой личный духовный опыт, автор книги дает следующий ответ: дух/ духовность - это то, что дает основание для определения человека как высоконравственной личности. Личности, имеющей свои убеждения и умеющей сохранять их при любых жизненных коллизиях. Личности, отдающей себя служению не только Богу, но и людям. Личности, думающей не о славе или личной выгоде, но проявляющей заботу обо всех окружающих. Таким

образом, эту книгу писал человек с чистым сердцем, который желает людям добра и которому небезразлична судьба человечества.

Захватывающий сюжет в сочетании с традиционной христианской теологией репрезентирует альтернативные учения, церкви, а также противостояние сил добра и зла в современной многоликой Америке. Также здесь дается описание сект, например, Апостольского братства, отрицающего Божественную природу Христа и не желающего искупления и спасения. Ценны и актуальны сведения о тех церквях, которые, прикрываясь за символическими понятиями библейского текста, используют их в целях наживы и обогащения. В качестве примера, подтверждающего сказанное, рассматривается «самая что ни на есть суровая, строгая, консервативная, по-фарисейски приверженная букве Закона пятидесятническая церковь. В ней действуют многочисленные, сложные, запутанные, порой противоречивые, но абсолютно непреложные правила и запреты, определяющие, что значит быть христианином», - пишет автор о пятидесятнической церкви. Между тем как, если обратиться к этимологии/ происхождению слова и толкованию этого праздника, то оказывается, что он занимает особое положение в религиозной жизни христиан: «Именно в Пятидесятницу услышал народ Десять Заповедей, изреченные гласом Господним с горы Синай.... Достигшему зрелости духу начинает открываться Закон Божий..., ибо в это время разум человека становится способен к восприятию многогранного смысла воли Божьей по отношению к собственной жизни» [1, с. 463]. Таким образом, этот, казалось бы, частный факт выявляет глубинные метаморфозы, произошедшие в менталитете современного христианского мира. И служит предостережением для ныне живущих, особенно для молодежи.

Истины христианского вероисповедания не даются читателю в готовом виде, они постигаются в ходе чтения романа, в котором читатель сам ищет ответ, пройдя вместе с героями книги через различные конфликтные ситуации. Ему надобно самому совершить духовное усилие, чтобы понять, кто прав. Кто действительно борется за идею в высоком смысле слова, а кто прикрывается за красивыми фразами, преследуя свои корыстные цели в борьбе за власть, деньги, то есть преходящую материю. – Эти перипетии наличного бытия приводят к вопросу об Иисусе Христе, к вопросу о том, желают ли местные жители быть завоеванными для Христа. «Никто... никогда... не завоевывал города для Христа. Ни Павел, ни Петр, никто. Даже сам Христос не завоевывал города для Христа», - говорит главный герой - бывший пастор Шерман [1, с. 43].

Читателю предоставляется возможность продолжать духовные поиски вместе с героями романа: «кто будет заниматься делами реального мира?», -

задается еще одним метафизическим вопросом истинный христианин. Поднимаются и другие вопросы, например, о целесообразности вести борьбу: «Если вы бросите все силы на борьбу с ними, у вас не останется сил для служения Богу, воспитания паствы и обращения в веру новых людей». Как видим, речь в данном случае идет не о слепой бездумной вере, но об обретении истинной веры, которая не дается в готовом виде.

В нем также подробно прослеживается духовный путь, или иначе, путь становления истинно верующего христианина как духовной личности, который описывается на конкретных фактах из жизни героя. Вначале знакомый пригласил на собрание, где он, как ему тогда казалось, обрел наконец-то себя: «Одиночество растаяло. Я обрел дом. Я стал частью некоего целого.... Господь... привел меня сюда, чтобы я вошел в это общество и принял участие в этом мощном излиянии чувств!». Дальнейшие события, правдиво описанные в книге, показывают, что намерения знакомого были далеко не благими, так как по истечении некоторого времени его принуждают курить травку: «Баш на баш. Я разделил с тобой твой опыт и испытал действие Святого Духа. Я прошел по твоему пути. Тебе нужно попробовать марихуану. Тогда ты узнаешь мой путь, понимаешь?», - убеждает его «друг» [1, с. 109]. Шердан проявляет стойкость духа, и, будучи духовно закаленным, оказывается способным устоять в самых серьезных испытаниях. В этих и многих других подобных ему горьких уроках жизни он и постигает истину Бога. И эти страницы, написанные правдиво и художественно выразительно, актуальны не только для христиан; в них содержится гуманистический заряд и огромный воспитательный потенциал для всей современной молодежи.

Духовная личность в образе пастора Шердана - не индивидуум, изолированный от общества и замкнутый в своем внутреннем мире. Он живет в обществе, живет для общества. Имеет много последователей, друзей, образы которых выписаны с большой теплотой и любовью. Наряду с положительными образами красной нитью через всю книгу проступает страшный облик современного Лжехриста, борьба с которым составляет драматургию романа. Автору удалось воссоздать реалистический образ, найти точные слова, позволяющие обличить Лжехриста: «Сынок, кто бы ни был этот парень, он не Спаситель! Иисус Спаситель!» - предостерегает он в одном месте устами одного из героев [1, с. 177]; «...твоя сила исходит от меня. Она моя и должна служить мне», - возражает на это Лжехристос, пытающийся привлечь жителей города на свою сторону. «Пока твой Бог мешкает, мямлит и заставляет тебя искать оправдания Ему, я нахожусь здесь и сейчас.... Люди готовы принять любую веру, какую ты им внушишь, тебе это известно? Дай им чувство тепла и покоя, дай им чувство безопасности - и они отдадут тебе свои умы и сердца.

Таким образом я и собираюсь взять власть над этим городом, Трэвис. Начну со взрослых, потом примусь за детей...», - цинично откровенничает Лжехристос [1, с. 326-327]. И этот монолог, который выпукло воссоздает современную харизматическую личность, глубоко обнажает проблемы современного человечества, жаждущего человеческого, просто человеческого. Мечущегося в поисках смысла жизни, духовных устремлений. И невероятные сложности на пути формирования истинно духовной сущности.

Психологически точно выписанные образы, сравнение одной из героинь - Ди - с наркоманом, страдающим зависимостью от Николса (Лжехриста) и постоянно возвращающимся «туда за новой дозой таблеток духовного счастья»; силы власти: «Я намерен завладеть жителями этого города - их волей, их деньгами, их детьми. Они предадутся мне душой и телом, поскольку я лучший мессия и лучше играю в эту игру» - и многие другие сравнимы по своей глубине и значимости с культурфилософскими исследованиями.

Аналитически описывается личный духовный опыт автора: «Так мы росли в Боге. Мы учились и набирались мудрости... Опыт, полученный в Храме Жизни, ... не прошел для меня бесследно. Я никогда больше не верил никаким словам, только потому, что их произносит известный христианский деятель. Я никогда больше ничего не делал против своей воли, только потому, что некий пастор, полагающий себя рупором голоса Божьего, пытается принудить меня угрозами или обвинениями... Не поворачивался ни к одному человеку и не обращался к нему со словами, которые мне подсказывал пастор. И не буду делать этого впредь. Никогда» [1, с. 364]. Здесь автором ставится «вечная» проблема духовной свободы, свободы как онтологического понятия. И даётся на этот животрепещущий вопрос философски верный ответ. В этом своем сущностном аспекте данная книга является подлинно философско-научным исследованием, выводы которого являются универсальными и всеобщими значимыми для современного человечества.

Выразительно обрисован посредством художественного слова облик современного «технически оснащенного» пастора - харизматической личности, проповедующей ради обогащения: «Изображение пастора Харриса на экране говорило нам встать, хлопнуть в ладоши, поприветствовать соседа, сказать ближнему ту или иную фразу, покаяться в том или ином грехе и произнести «аминь» в знак согласия - и мы все это делали. Поначалу было немного странно общаться с изображением на телевизионном канале, которое не видит и не слышит нас... Но мы делали это - и постепенно привыкли к этому».

И это не просто критический портрет. Для пастора Шердана - главного героя данной книги - знакомство с пастором Дэйлом Харрисом судьбоносно. Поскольку последний слыл превосходным учителем, он связывал с ним свои

надежды на дальнейший духовный рост: «Все мало-мальски известные люди посещали Храм Жизни - актеры, певцы, исполненные Духом миллиардеры, которые летали на собственных реактивных самолетах. Я не знаю, на что надеялся, когда принял решение пойти туда. Полагаю, я рассчитывал научиться чему-нибудь у столь благочестивого человека. Вероятно, набраться мудрости и обрести новые глубокие знания для последующего служения. Возможно, я надеялся выпутаться из духовной паутины сомнений под наблюдением, опекой и руководством столь уважаемого пастора. Я был готов подчиниться воле доброго учителя. Я был готов сделать все правильно. Участь в университете и приобретая вторую специальность, я мог подчиниться руководству мудрого праведного наставника и вырасти в духе» [1, с. 346]. Увы, и на этот раз надежде не суждено было сбыться. И главный герой книги - пастор Шердан - продолжил далее свои духовные искания.

Мы привыкли писать и говорить о США в негативном свете. Американизация, «новый американский порядок», «глобализация по-американски» и другие аналогичные суждения стали стереотипными клише, выражающими отношение как казахстанцев, так и россиян к этой стране. Истина же состоит в том, что современная Америка (вероятно, как и все другие страны мира) многолика. И наряду с указанными выше тенденциями, действительно имеющими место в США, есть и книги, подобные роману Фрэнка Перетти «Посещение».

Может возникнуть вопрос: не явится ли образ Лжехриста (шире - ЛжеБога, Богочеловека) примером для подражания для ищущих приключений любителей «легкой» жизни и острых ощущений? - Не исключено. Но это не может служить поводом для того, чтобы она не дошла до читателя. Поскольку написана она для думающего, ищущего, мыслящего читателя. Казахстан - территория духовного согласия. Отсюда, здесь формируется толерантность в лучшем позитивном понимании этого слова. Толерантность, основанная на искреннем уважении и высокой духовности.

Таким образом, проведенный анализ раскрывает процесс становления и развития новой религиозной ситуации. При этом можно отметить такую ее особенность, как персоноцентрическая картина мира. Духовные Учителя прошлого для нее не авторитет. Сегодня востребованы лже-учителя, в данном случае, лже-христос. Во-вторых, в книге показывается, что религия сегодня представляет собой явление аудиовизуальной культуры. Она активно использует лучшие достижения технологического общества, что многократно усиливает воздействие новой религиозности на современное общество. В-третьих, религия является порождением рыночной эпохи и используется как цель и средство для личного обогащения, обладания властью над людьми. И,

наконец, в-четвертых, не случайно роман написан в Америке, стране, где наиболее обнаженно проявляются указанные особенности современной религиозной ситуации.

1. Фрэнк Перетти «Посещение» - Санкт-Петербург, 2001 – 584 с.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

XXI век все стремительнее набирает обороты, отодвигая все далее предыдущее XX столетие. Время противостояния двух мировых антагонистических систем – капитализма и социализма, и, соответственно, двух мировых держав – США и СССР. Эпоха, когда Россия и Казахстан (как и все другие республики) входили в единое советское пространство. Период, когда типологическим основанием культурной истории человечества выступала дихотомия Восток - Запад.

Исторически сложилось так, что в качестве классических центров подобной философско-культурологической парадигмы, принятой в качестве универсальных моделей для всего человечества, выступают древние Индия и Китай, а также Западная Европа, восходящая к античности. Эта программная установка получила развитие в работах К. Маркса, в частности, в его известной теории общественно-экономических формаций. Как известно, согласно марксистам, рабовладельческий строй признавался более прогрессивным (по сравнению с предыдущим, то есть первобытнообщинным строем). Материалистический подход, основанный на экономическом факторе, лег и в основу философско-культурологических исследований. В итоге сложилась парадоксальная ситуация: культурными стали считать народы и страны, в которых получило развитие рабство в его классическом варианте.

Так ли это? Является ли рабовладельческий строй неперемным условием для становления и развития культуры? Действительно ли, только рабовладение есть благоприятный фактор, стимулировавший становление человека как духовной сущности, способствовавший, таким образом, формированию культуры как духовного явления? Есть ли иное решение вопроса? Возможна ли, имеет ли право на существование альтернативная точка зрения?

Чтобы разобраться по существу в заявленной проблематике, остановимся более обстоятельно на проблеме духовности. В философско-культурологической литературе это понятие обозначает определенное качество индивида, социальной группы или общества в целом, действующих под влиянием духовной доминанты. Духовность – это «способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на этической основе, способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется себестождественность человека, его свобода от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями» [1, с. 23].

Из изложенного возникает первое возражение: подобное рождается подобным, то есть если культура есть духовное явление, то оно и должно порождаться духовно, в условиях приоритета Вечного Духа.

Следующий аргумент состоит в том, что рабовладельческая формация не является всеобще-универсальной. Были в истории человечества сообщества, которые «не доросли» до нее и, пришли к феодализму, минуя рабовладельческий строй. В их числе и Евразия, в которой рабство не имело развитого характера, а потому молчаливо причислялась к отсталым в культурном отношении регионам.

На наш взгляд, назрела настоятельная необходимость в корне пересмотреть это положение. Пора вдумчиво всмотреться в корень рабства. Пора отказаться от позиции, что именно категория силы (в любых ее проявлениях – культурных, идеологических) – есть необходимое условие для прогресса. Необходимость этого диктуется реалиями современной эпохи, выдвигающими на повестку дня проблему духовной жизни человечества: двадцатый век – самый образованный и самый просвещенный век, как это ни парадоксально, поставил будущее Земли и землян под вопрос. Секулярная культура не привела к росту духовности в мире, и сегодня нельзя сказать, что человеку уютно в мире, где господствуют более сильные в технологическом и экономическом отношении страны. Отсюда можно заключить, что изменение сложившихся позиций возможно только при отказе от материалистической философии; при кардинальном переосмыслении культурной истории человечества на иных - духовных - мировоззренческих основаниях.

Проанализируем основные последствия рабовладельческой формации в культурно-философском аспекте. В качестве положительной тенденции выдвигается аргумент об отделении умственного труда от физического, что дало возможность сосредоточить внимание на развитии интеллектуальных способностей и создании продуктов духовного производства. Действительно, фактор разделения трудовой деятельности способствовал интенсификации письменной культуры и явился импульсом для становления нового культурного пласта. Начиная с рабовладельческой эпохи, устный пласт все более отходит на второй план, занимая периферийное положение в культурной жизни человечества. Центральной фигурой в письменных цивилизациях становится писец, от услуг которого зависели правители, храмы и частные лица. «Некоторые из писцов занимали очень важные посты и имели возможность оказывать влияние на царей, принимали участие в важных дипломатических переговорах» [2, с. 167].

Особенно жестко разграничительный характер приняла устная и письменная культура в Древнем Китае. Здесь «устное слово на протяжении тысячелетий вообще не имело никакой общественной цены, брезгливо попиралось как выражение непричастности к власти; и ранняя высокая

культура письменности, таким образом, была связана здесь с ранним установлением деспотического общественного устройства» [3, с. 56].

Продолжая мысль Г.Гачева, отметим, что письменность имела длительное историческое время элитарный характер. Поляризация единого рода человеческого на свободных граждан и рабов обусловило такую особенность, как антитестика интерсубъективности (всеобщности) и элитарности; культура с этого времени подразделяется на высокую и примитивную. При этом статус высокой культуры приобретает письменный пласт, где формируются теоретическая философия, наука, литература и профессиональное искусство. Эта позиция и сегодня отстаивается как веский аргумент в пользу элитарной деятельности как синонимичной понятию духовной культуры.

Подобная ситуация сохранялась в культурной истории человечества вплоть до XX века. Так, в евразийском ареале широкомасштабная акция по ликвидации безграмотности, под которой имелись в виду умение писать и читать, проводилась при советском строе. Последствия этой исторической победы на культурном фронте по сей день оцениваются как великое завоевание Октября. Итогом подобного взгляда явилось то, что культурой стал пониматься письменный пласт; соответственно, культурными признавались те народы и страны, которые имели развитое письменное наследие.

Становится ясным отношение к Евразии как дикому первозданному заповеднику, нетронутому «рукотворной» деятельностью человека. Причем, такая установка экстраполируется не только на тюрко-монгольский мир. Но и на славян, финно-угорскую языковые группы, то есть на всех автохтонов беспредельной Степи. Между тем как не только многочисленный Китай, но и Западная Европа, которая ютится, по сравнению с евразийскими просторами на пятачке Земли, признается духовным эпицентром человечества.

Краткий экскурс в историю культуры человечества показывает, что становление письменного пласта коренится на мировоззренческих основаниях, соответствующих взгляду восходящих слоев Социума. Все последующие ступени общественно – исторического развития продолжали и упрочивали данную тенденцию. Это привело к тому, что под влиянием цивилизационно-социального бытия человечество все далее отдалается от своих исходных корней, антропологической универсальности. Утрата филогенетических оснований: культ нравственности, имманентных свойств духовности способствуют тому, что сущностные атрибуты культуры Архаики, регулировавшие в этом своем качестве духовно – практическую жизнедеятельность всего сообщества на уровне интерсубъективности, претерпевают существенные модификации. Нравственность замещается этикетом, ибо неимиджированный, не соблюдающий этикет, человек, не

вписывается в элитные круги. Следовательно, критерием избранности, определяющим место человека в Социуме, возможность иерархизироваться в высшие слои общества, выступают внешние показатели. Не потому ли истинные шедевры, подлинные ценности всегда с огромными трудностями пробивали и пробивают дорогу к сердцу человека?

Таким образом, при существующей точке зрения духовное бытие редуцируется к элитарной культуре цивилизационно-социумной эпохи, в периферию которой помещается все остальное достояние человечества.

Продолжим суждение далее. Вопрос теперь состоит в том: следует ли из вышеизложенного, что у народов Евразии отсутствовали условия для становления высокой культуры? Такая точка зрения действительно имеет место. Ибо то, что относится к высокой культуре (философия, литература, наука, профессиональное искусство) восходит к письменным цивилизациям Древнего Мира. В таком – широком – контексте народы Евразии действительно не имеют своей исконной/ доморощенной духовной культуры.

Казалось бы, исторические факты свидетельствуют в пользу сложившихся точек зрения. Обратимся для примера к религии. Славяне заимствовали христианство, которое, кочуя от народа к народу, из одной страны в другую, добилось статуса мировой религии. Вопрос о религии тюркоязычных народов по сей день не имеет сколько-нибудь однозначного мнения. В последнее время, правда, все более получает признание взгляд о тенгрианстве как государственной религии тюрко-монгольских этносов. И, тем не менее, скажем, у казахов преобладающей считается ислам. То есть, применительно к теме нашего разговора, и здесь речь идет о заимствовании.

Другой факт. Не только у тюрков, но и у славян музыкальное искусство восходит к европейской музыкальной классике. Разумеется, были созданы свои классические шедевры, занявшие достойное место в мировой культуре. Этого никто не оспаривает. Но возникли они на иной – западноевропейской почве, источник, корень их становления все там же, а не здесь – не на этой Земле.

Резюмируя, приходим к неутешительному выводу о том, что евразийские народы оказались не в состоянии привнести что-то свое; мы способны только заимствовать... Что это? – Объективное доказательство духовной скудости Евразии? Подтверждение тому, что евразийцы гораздо медленнее созревали духовно, чем соседние народы и страны?... Вопросы, вопросы... Их можно продолжать. Скажем, применительно к науке, технике. Здесь, правда, ситуация несколько иная, чем в философии, искусстве, и в частности, в музыкальном искусстве. Вернее, взгляд на развитие науки «невооруженным оком» обнаруживает поступательный расцвет науки на Западе и явное отставание

здесь некогда цветущих древневосточных цивилизаций. На этом фоне впечатляюще успехи России, что уже не вписывается в вышеизложенное.

Исходя из этого, можно вроде бы делать выводы о том, что каждый народ, страна имеет свой путь культурного развития. И выводить какие-то общие закономерности, редуцировать бытие культуры к каким-то общим основаниям, нецелесообразно.

На наш взгляд, проблема должна быть поставлена иначе. Человечество прошло сложный путь культурно-исторического развития, значительно эволюционировав в своем духовном становлении. Оно сумело освободить себя от рабства, так как смогло осознать, что раб тоже есть человек. Затем оно превозмогло себя и отказалось от крепостничества. Ныне – все как будто бы свободны. Но зато попали под зависимость вещную. Осталась не-свобода как экономическая/ валютная зависимость. И она – эта вещественная зависимость пока является доминантной в современной жизни, о чем вещает термин «рыночная экономика». Все редуцировано к сфере экономики и политики как власти, стремления к той иллюзорной, сладкой «свободе», которая дает силу, видимость/ кажущуюся свободу. Такова реальная действительность. И если произвести философскую инверсию, а она напрашивается здесь сама собой, то генетические истоки этого жизненно - практического материализма – в парадоксальном суждении об определяющей роли экономического фактора, а именно: рабовладельческой формации, которая явилась условием прогресса духовного, «благодаря» которой только и состоялась высокая, элитарная культура.

Отсюда вытекает и логический аргумент ученых, согласно которым материя определяет сознание. Следовательно, речь о том, чтобы верно обнаружить корни, истоки, дать им верную экспликацию. И тогда оказывается, что отнюдь не экономические условия являются определяющими для духовного прогресса человечества, а, напротив, духовность, верно понятая духовность, определяет все остальное. В том числе и материю/ экономику. Вернее, отношение к экономическим реалиям.

Иными словами, главное – это правильно отнестись к Вселенной (Г.Г. Бахтин, К.Ш. Нурланова). И так во всем. Вернее, в отношении ко всему и во всем. Для человека же, бытия человека это – найти себя. Найти свой путь как путь духовный. А это означает, что человек должен сделать следующий шаг – превозмочь себя, преодолеть рабскую зависимость от рыночной экономики и воспарить духом, возвыситься над материализованным бытием. Человек загнал себя в тиски вещной реальности, возвел в культ экономическую действительность и пожинает плоды свои. Чтобы подняться на следующую ступень духовной эволюции, необходимы де-программирование, пере-

осмысление ценностных установок, которые позволят взглянуть на себя со стороны, отстраненно. Как крановщику с кабины высокого крана. И тогда человек увидит себя непредвзято, со стороны, не любясь собой, красивым, респектабельным, внешне красивым, а заглянет в свой внутренний мир, всмотрится в свое потайное зеркало и увидит себя истинного. Этого – настоящего и того – будущего. Вот здесь-то и начнется трансмутация (преображение) как самого человека, так и Земли, Космоса.

Продолжая аналитический дискурс, отметим: проблему евразийского культурного космоса целесообразно исследовать масштабно – в контексте философии культуры, поскольку только подобный ракурс позволит взглянуть на нее непредвзято, объективно. И тогда оказывается, что, сохранив универсальные истоки, мы тем самым подготовили ту духовную почву, которую имеем на сегодняшний день.

Сказанное есть самое общее суждение, которое имеет в реальном эмпирическом бытии самые различные проявления. В крупном плане просматриваются два направления внутри единого евразийского культурного космоса: 1) российское евразийство с преобладанием славяноязычной культуры, православия; 2) казахстанское евразийство, в котором доминирующую тенденцию составляет тенгрианская культура тюрко-монгольских народов.

Между отмеченными направлениями содержатся как сходства, так и различия. К числу основных типологических факторов относится хозяйственно – культурный тип: земледельческая Русь и кочевая Степь. За многовековой путь культурно исторического развития народы и государства Евразии создали поликультурное пространство, которое отличается необычайным разнообразием. И, тем не менее, есть нечто родственное, позволяющее ставить вопрос о менталитете евразийской культуры. Выяснение всеобщего как культурно-особенного – задача не одного поколения исследователей.

Таким образом, сама жизненная реальность (земледельческая Русь и кочевая Степь) фактом своего со-бытия доказывают возможность формирования духовного пространства, обусловленного отсутствием насилия человека над человеком (в массовом масштабе), мирным со-существованием народов. В этом ракурсе евразийский культурный космос – благодатный объект для культурфилософского анализа: он позволяет по-новому осмыслить историю мировой культурной истории, способствуя тем самым более рельефному определению пути в Будущее.

Убеждены: назрела необходимость пересмотреть существующие мировоззренческие позиции. Пора отказаться от мнения о том, что рабство – условие, способствующее духовному прогрессу; пора в связи с этим по-новому,

в свете новейших данных археологии, современного гуманитарного знания взглянуть на центр Земли – евразийский культурный космос. Мы далеки от мысли впасть в другую крайность, то есть объявлять Евразию единственным культурным раем. Но факты говорят сами за себя: Евразия не только геополитический центр Земли, она является духовным эпицентром человечества. Ибо реальное бытие – духовное бытие. Погоня за материальным благосостоянием – иллюзорное существование. Ибо сколь бы улучшалась жизнь, человеку всегда мало и он сам не замечает, как попадает в рабскую/вещную зависимость. А вот умение жить свободно, духовно свободным, не зависеть от этих преходящих материальных факторов – это и есть подлинное существование, окрыляющее человека. Понимание этих глубоких, не лежащих на поверхности фактов все отчетливее осознается наиболее дальновидными мыслителями современности.

1. Крымский С.Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации// Вопросы философии, 1992. - №12.
2. История Древнего Востока/ Под ред. В.И. Кузищина. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Высш. Шк., 1988. – 416 с.
3. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр). – М.: Просвещение, 1968. – 302 с.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РЕЛИГИИ И СОВРЕМЕННОЕ КАЗАХСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Аннотация

Ставится задача осмысления современной религиозной ситуации с позиции философско-научного знания, которое предполагает изучение универсальных законов и свойств социума, рассматриваемого в целостности и взаимосвязи его сторон – личности, культуры и общества, а также с учетом мировоззренческих оснований казахстанского общества. На основе проблемно-исторического анализа делается вывод о том, что религия, во-первых, является сегодня неотъемлемой частью социокультурного бытия. Во-вторых, будучи универсальным явлением общечеловеческой культуры, она имеет, вместе с тем, черты своеобразия. И, в-третьих, наиболее оптимальным ответом на вызовы духовно-религиозного бытия является органичное сочетание культурологического и социокультурного, общецивилизационного и регионального подходов, содействующих выявлению, сохранению и упрочению культурно-исторического смысла религии в условиях глобализации.

Ключевые слова: религия, мифорелигиозная картина мира тюркского этноса, религиозная ситуация, современное казахстанское общество.

B.D. Kokumbayeva

CULTURAL-HISTORICAL MEANING OF RELIGION AND MODERN KAZAKHSTAN SOCIETY: POINTS OF CONTACT

Abstract

The task of understanding the contemporary religions situation from the perspective of social and philosophical cognition is posed. The latter involves the study of universal laws and society features, considered in integrity with the interrelation of its sides – individual, culture and society. The worldview foundations of Kazakhstani society is taken into consideration. On the basis of the problem's and historical analysis do the conclusion that the religion, in-first, is an integral part of sociocultural life today. Secondly, being the universal phenomenon of universal culture, it has, at the same time, lines of an originality. And, thirdly, the most optimal answer to calls of spiritual and religious life is the organic combination of the culturological and sociocultural, all-civilization and regional approaches promoting identification, preservation and consolidation of cultural and historical sense of religion in the conditions of globalization.

Keywords: religion, mythical-religious picture of the world of Turk's ethnos, religious situation, modern Kazakhstan society.

Б.Ж. Қоқымбаева

**ДІННІҢ МӘДЕНИ-ТАРИХИ МӘНІ-МАҒЫНАСЫ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ
ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ҚОҒАМ: ТІКЕЛЕЙ АРАЛАСУЫ**

Аннотация

Бұл арадағы негізгі мақсат қазіргі діни жағдайды философиялық-ғылыми білік тұрғысынан талдау, бұл өз кезегінде әлеуметтік әмбебап заңдар мен ерекшеліктерді тұтас қарастырады, былайша айтқанда тараптардың байланысын – тұлғаларды, мәдениет және қоғамды, сонымен қатар қазақстандық қоғамның дүниеге деген көзқарасын есепке ала отырып қарастырады. Проблемалық-тарихи талдауға негізделіп, біріншіден дін бүгін әлеуметтік мәдени болмыстын бөлімдейтін бөлігі деген қорытынды шығарылады. Екіншіден, адамзаттық мәдениеттің универсалдық құбылысы бола тұра ол сонымен қатар ерекшеліктерге ие. Және үшіншіден діни-рухани болмыстын талаптарына сәйкес жауаптарын мәдениеттанулық және әлеуметтік мәдени, жалпы өркениеттік және аймақтың әдістердің тұтасуы болып табылады. Өйткені діннің мәдени-тарихи мәнін жағандану жағдайда аңықтап, сақтауға және дамытуға философия-ғылым жолдары арқау болғаны жөн.

Кілттік сөздер: дін, түрік этносының мифтік-діни әлем картинасы, діни жағдайы, қазіргі қазақстандық қоғам.

Религия – многомерный мир со своими духовными устремлениями, нравственными подвигами и страданиями, с единомыслием в одних вопросах и жестокой борьбой в других. Именно в религии формировались многие общечеловеческие ценности. Она указывала путь к пониманию действительности и самого человека, задавала нравственные ориентиры в обществе, наставляла каждого в повседневных делах, придавая смысл жизни. Прогрессом в развитии религиозного сознания являлась мысль о том, что человек должен оцениваться, прежде всего, по своим духовно-нравственным качествам. В этом – фундаментальный факт религиозной культуры, поскольку этико-нормативное содержание, нравственные программы различных религий в основном совпадают между собой.

Так было. Во всяком случае, немало исследователей характеризуют средневековую культуру как религиозную, отмечая в качестве ведущих ее тенденций позитивное содержание. Немало апологетов, то есть защитников

религии, и в наши дни, более того, тех, кто однозначно связывает духовно-культурное измерение именно с религиозной составляющей.

И вместе с тем, современная религиозная ситуация не просто неоднозначна, но, без преувеличения, опасное для жизнедеятельности человека, общества и всего мира явление. Подобно тому, как религиозное средневековье, трактуемое исключительно как «золотой век» духовности не учитывает, вернее, «забывает» об инквизициях, крестовых походах и прочих «мелочах», так и современность в данном ракурсе сложно, по сути невозможно безоговорочно характеризовать как светлое, позитивное время. То и дело в СМИ, Интернете появляются подзаголовки вроде: «Сирийские исламисты казнили подростка за фразу о пророке Мухаммеде»; «Подростки-вандалы разоряли мусульманское кладбище в ЗКО»; «За попытку взорвать спиртзавод осуждены трое казахстанцев» и многие другие аналогичные сведения.

К глубокому сожалению, приведенные примеры – не единичны, подобное происходит то и дело в различных регионах Земли. Кроме того, героями их являются чаще всего молодежь и подростки, то есть будущее человечества. И еще - сложно, и даже невозможно однозначно квалифицировать их как преступления. Особенно ярко прослеживается сказанное в комментарии 2-го случая: «Какие же они вандалы? Вандалы умышленно, из хулиганских побуждений разрушают, а эти дети неумышленно делали. Деньги духам не нужны, а сирот по голове надо гладить и помогать им». (Майра) [1].

Комментатор Майра по-своему права. Дело в том, что собирать деньги ходили воспитанники детского дома. А поскольку «некоторые платки были привязаны к мазарам, детям приходилось забираться на них, наступая на кирпичи. При этом некоторые кирпичи, в связи с ветхостью, поломались и рассыпались».

Третий случай имеет подзаголовок: «За попытку взорвать спиртзавод осуждены трое казахстанцев»: «Специализированный межрайонный суд по делам несовершеннолетних Актюбинской области Казахстана вынес приговор трем несостоявшимся террористам, признанным виновными по ст. 233-1, ч 2 (пропаганда терроризма либо экстремизма или публичные призывы к совершению акта терроризма, совершенное группой лиц).

Согласно материалам дела, ныне осужденные планировали совершить террористический акт на заводе в отместку за выпуск водки «Байтерек», на обертке бутылки которой было написано арабской вязью «Силы Аллаха хватит на всех».

Водка «Байтерек» торговой марки «Вимпекс» с некорректной надписью (производитель — ТОО «Геом»), появилась в продаже в нескольких городах Казахстана в декабре 2011 года. Это вызвало возмущение верующих. Позднее

директор компании Андрей Гооге принес верующим свои извинения. Он объяснил, что «дизайнеры этикетки перепутали арабскую вязь с национальным орнаментом» [2].

Казалось бы, ребята осуждены, дело закрыто. Стоит ли «после драки махать кулаками?». Тем более, что несостоявшиеся террористы виноваты.

Но что послужило причиной для бунта?

Причин несколько. Во-первых, как вытекает из объяснения директора компании, «дизайнеры этикетки перепутали арабскую вязь с национальным орнаментом». Во-вторых, будь то арабская вязь, либо национальный орнамент, рисунок имел место на обертке бутылки «Байтерек». Что несовместимо с культурной ментальностью арабо-исламского мира и тюркоязычных этносов. Иными словами, намеренно или по незнанию, были задеты не только чувства верующих; поступок ребят - это своего рода патриотический бунт. Справедливый, надо сказать, бунт против дельцов рыночной эпохи, которые не утруждают себя стремлением знать культуру той земли и того народа, для которой реализуют свою продукцию. Причем, продукцию далекую, нетипичную для менталитета восточной культуры, будь то исламская, либо тюркская культура. По сути, здесь тройное оскорбление со стороны ТОО «Геом»: пренебрежение к казахам и казахстанцам, мусульманам, что и привело к столь трагичному для нас последствию. А ведь юное поколение – это наше будущее. Будущее независимой Республики Казахстан. Так не должны ли мы в таком случае защищать свое будущее? Будущее Казахстана?

А возможно ли это? Должны ли мы защищать новое поколение казахстанцев, и если да, то как?

Наш ответ состоит в том, что мы должны и можем защищать будущее независимой Республики Казахстан и ее народа. На вопрос «как?» правомерно напомнить, что для культурного процесса средних веков характерна не только религиозная составляющая. Но и государственная составляющая, вернее их взаимодействие, придававшие особенные черты тем или иным регионам. Более того, именно отличие, сохранение отличия составляет ведущую часть социальности. А потому то, что является культурной традицией для одного региона, скажем, для христианского мира, может показаться оскорбительным для другого культурного мира.

Примеров тому – множество. Приведем один из них – по информации из Интернета, согласно которой международный конкурс «Мисс Мира» пройдет этой осенью на о. Бали. Автор с сожалением пишет о том, что «в этом году организаторы решили обойтись без дефиле в купальниках, которое, по их мнению, может оскорбить чувства верующих мусульман Индонезии. Вместо откровенных бикини 137 девушек со всего мира продефилируют в

традиционных индонезийских саронгах, которые представляют собой украшенные этническими узорами полотна ткани, которые обертываются вокруг тела» [3].

Это точка зрения автора заметки. С точки зрения религиозной (шире - культурной) ситуации, это – верная позиция. Почему? – Да потому, во-первых, что здесь учтены как государственная, или если усилить национально-государственная, так и религиозная составляющие. И, во-вторых, еще и потому, что подобный продуманный подход не только содействует проведению данного конкурса на высоком уровне, но и упрочению диалога культур и мирного сосуществования народов.

Возвращаясь ко второму случаю об осужденных казахстанцах, изложим наше мнение с точки зрения защиты соотечественников. Для начала отметим, что Байтерек – это главный символ Астаны. Монумент олицетворяет собой представление казахского народа о мироздании. Согласно преданию, Байтерек – древо жизни, к которому стремится священная птица Самрук. Она укрывается в его высокой кроне, чтобы отложить золотое яйцо – Солнце, дающее жизнь и надежду. А в это время, у корней древа затаился голодный дракон Айдахар, желая съесть яйцо. Так представлена вечная борьба добра со злом. Здесь же протекает Мировая река, на берегу которой и стоит Байтерек, подпирая небо своей кроной, а корнями удерживая землю.

Монумент Байтерек был открыт в 2002 году, и стал знаком истории Казахстана, нового этапа в жизни народа. Структура башни символизирует три основы мироздания – подземный, земной и небесный миры. На глубине четыре с половиной метра находится нижний уровень, где располагаются кафе, аквариумы и мини-галерея «Байтерек». Высота постройки составляет 97 метров, что символизирует 1997 год, год провозглашения новой столицы. Металлическая конструкция башни весит больше 1000 тонн и стоит на 500 сваях. На вершине находится огромный шар из стекла диаметром 22 метра и весом 300 тонн. Общая высота составляет 105 метров. Архитектором столь амбициозного проекта стал известный своими hi-tech сооружениями Норман Фостер.

Чтобы посетить стеклянный шар необходимо подняться в панорамных лифтах на высоту 86 метров. Здесь располагаются бар и панорамный зал, в центре которого установлен деревянный глобус с 17-ю лепестками, подписанными представителями мировых религий. Также здесь находится «Аялы - Алакан» - отпечаток ладони первого президента Казахстана Н. Назарбаева – символ бережного отношения казахстанского народа к миру и покою на нашей планете.

Здесь же можно посмотреть на Астану с высоты «птичьего полета» - современный деловой район на левом берегу Ишима, и уютные районы с площадями на правом берегу реки.

Сегодня Байтерек вызывает у мирового сообщества стойкие ассоциации не только со столицей, но и со всей страной в целом. Он стал не только символом города, но и всего казахского народа, сохраняющего свои исторические корни и устремленного в будущее [4].

Если же охарактеризовать Байтерек в контексте мировой культурной истории, то он есть Древо Мировое, или иначе, «космическое» древо, - характерный для мифорелигиозного сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира. Образ Древа мирового засвидетельствован практически повсеместно и содержит неисчерпаемое многообразие культурно-исторических вариантов [5, с. 398]. Иными словами, в них запечатлены базовые ценности, имеющие всеобщее содержание для человеческого рода. Более того, эти мировоззренческие основания отражают (выражают) суть человеческого бытия как духовной сущности. Эта роль наглядно выступает при сравнении с тем, что предшествовало «эпохе Древа мирового» в том виде, как эту стадию представляли себе люди последующей эпохи. Речь идёт «о довольно стандартных описаниях беззнакового и беспризнакового хаоса, противостоящего знаково организованному космосу.

При этом мировое Древо предстает в виде «космической опоры» и «помещается в сакральном центре мира». Оно является «доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию вселенного пространства». Иными словами, это целостная стройная картина мира в отношении «Человек – Мир», созвучная традиционной системе ценностей, где в качестве центральной выделяется осознание их неразрывной связи.

Согласно исследователям, с образом Мирового древа соотносится и казахский национальный костюм как отражение картины мира в соответствии с мифорелигиозной традицией тюркского этноса. «Соотнесение с образом Мирового Древа предопределяет и особенности его художественно-композиционной структуры: наличие вертикальной оси и горизонтальных ярусов, общую симметрию, символику отдельных составляющих. Силуэтная форма костюма зависима от материала, кроя и технологии изготовления [6, с. 10-11]. Комплекс казахской национальной одежды складывался в активной взаимосвязи с костюмом других народов тюркской группы, образующих единый этнический и культурный пласт. Следует выделить следующие этапы формирования казахского национального костюма: период середины XV-XVI в., XVII - начала XIX в., период XIX - начала XX в. [там же].

Женский костюм-образ подразделяется на следующие типы: костюм девочки, девушки, невесты, молодой женщины после замужества, женщины после рождения ребенка, пожилой женщины. Главная идея, то есть духовно-культурные основания, кодируются в казахском женском костюме в орнаменте, характеризуемом исследователями как «визуальное выражение мировоззренческих концептов, имеющее определённую закономерность, основанную на симметрии и ритме» [7, с. 21]. Орнамент - это «философская и художественная система, объединяющая время и пространство, что и является духовной основой существования номадов как таковых и испытывает незначительные изменения в форме в отличие от постоянства содержания». Приблизиться к пониманию сути казахского орнамента, существующего как данность в пространстве, можно лишь посредством медитативного созерцания, «путем бифункционального переключения, происходящего во времени» [8, с. 61].

Философичность орнамента выражается у казахов-кочевников в стремлении запечатлеть мир, окружающий их, не только с позиции смотреть, а, по большей части, видеть. Не случайно для обозначения художественного процесса сотворения орнамента у казахов существует чрезвычайно емкое выражение «ою-ой», что в прямом переводе значит «узор-мысль». Знаменательно еще одно значение слова «ою», ибо оно подразумевает еще и действие - «вырезать, выдалбливать»; значит, формула «ою-ой» получает смысл «запечатлеть мысли», возможность отмечать их знаками» [9, с.116].

«На протяжении столетий казахи-кочевники не меняли своего образа жизни, а значит и мыслей, сохраняя в неприкосновенности свои духовные константы». В результате орнамент состоялся как доминирующая форма изобразительного искусства, осуществляющая творческие замыслы художников «не с помощью реалистического восприятия, а посредством передачи его смысла в абстрагированной форме. Кочевники шагнули много дальше, чем оседлые народы, находившиеся в высоких фазах развития цивилизации, в понимании сущности орнамента как картины мира» [7, с. 21].

Таким образом, делает вывод автор, «орнамент у кочевников мыслится визуальным выражением чистого или подлинного искусства, своего рода высшей формой философского осмысления художественного образа, запечатленного в своеобразной абстрактной стилистике, смысл которой глобально не менялся, пока не изменился образ жизни. И даже тогда, когда казахи стали вести оседлую жизнь, эти образы по-прежнему вдохновляли и вдохновляют художников - адептов нового искусства» [7, с. 21].

Исследователями также отмечается, что глубокий смысл присущ и цветовому решению костюма. Прежде всего, в женском костюме

традиционным является тональное решение «светлый верх - темный низ», причем светлый - не обязательно белый. В отдельных случаях возможен отход от этого принципа. В костюме молодых женщин отдается предпочтение яркой цветовой гамме с преимущественным использованием красного, реже зеленого цветов и их разнообразных сочетаний. Цветовое и тональное решение казахского национального костюма чаще всего контрастное. Это выражается в противопоставлении цветов, светлого и темного, матового и блестящего [6, с. 17]. Символика цвета в казахском костюме - важный выразитель определенных значений, понятий, образов. Цвет метит людей по возрастному и даже социальному (в сочетании с другими характеристиками костюма) признаку [6, с. 18].

Ныне эти всеобщие основания человеческого рода основательно забыты. Сегодня они являются «гласом вопиющих в пустыне», то есть малочисленной части духовной элиты, пытающейся достучаться до людских сердец. А потому по сей день высокое развитие орнамента объясняют тем, что «до революции у казахского народа не были развиты такие виды изобразительного искусства, как живопись, графика и скульптура». Продолжая эту тему, такие авторы пишут, что «мусульманское духовенство считало все, кроме орнаментального узоротворчества, запретным и греховным делом. Ислам запрещал изображать людей и животных, поэтому свои эстетические представления народ мог выразить лишь в орнаментике. Характер орнамента всегда гармонировал с формой одежды или предметом, который наносили узор, соответствовал материалу, из которого он изготовлялся...» [10].

Казалось бы, приведенное высказывание из Интернета относится к казахам (шире – тюркским народам) и исламскому миру. А может быть, оно характеризует общечеловеческую ситуацию? Ведь неслучайно главные темы современности – это кризис, глобальные проблемы планетарного масштаба и природные катаклизмы. Образ Древа мирового, орнамент и традиционная одежда, четко маркировавшая пол, общественный статус, традиционная культура как целостность, или иначе, культура как культ выражали становление Земли и землян как космический акт, как переход из хаоса (небытия) в знаково организованный космос (бытие). Мы, современные земляне, утратив «космическую опору», то есть «забыв» Древо мировое, орнамент и другие нерентабельные реликты и пережитки древности, ввергаем тем самым себя, чем далее, тем более в первоначальное состояние хаоса, то есть в небытие. Есть о чем нам всем призадуматься...

Сегодня как никогда важно уметь сочетать общечеловеческие культурные ценности с национально-государственными интересами, стремиться к такому оптимальному решению, чтобы, выражаясь образно-художественным языком

известного поэта, «возвысить Степь, не унижая горы». Приведенные здесь факты из Интернета свидетельствуют о том, что, если организаторы международного конкурса «Мисс Мира» сумели принять верное решение, то в случае с несовершеннолетними казахстанцами не посчитали нужным обращать внимание на подобные тонкие, но (!) весьма существенные нюансы.

Здесь эти примеры были приведены для того, чтобы осознать, сколь сложна и многоаспектна сегодня проблема религии. Она напрямую связана с жизненной действительностью как каждого отдельно взятого человека, так и общества в целом. А потому решение этой животрепещущей проблемы – актуальная задача как в настоящем, так и в будущем. Вернее, для будущего, нового поколения, которое сможет уверенно и полноценно жить в независимой Республике Казахстан.

Таким образом, во-первых, ключ к решению возникающих проблем видится нам в изучении религии в контексте истории и теории культуры. Владение современной религиозной ситуацией возможно, во-вторых, при знании и учете мировоззренческих оснований «здесь» и «теперь», или иначе, национально-государственных составляющих конкретного социума. И, в-третьих, на основе проблемно-исторического анализа мировоззренческих оснований казахстанского общества делается вывод о том, что наиболее оптимальным ответом на вызовы духовно-религиозного бытия является органичное сочетание культурологического и социокультурного, общецивилизационного и регионального подходов, содействующих выявлению, сохранению и упрочению культурно-исторического смысла религии в условиях глобализации.

1. Подростки-вандалы разорjali мусульманское кладбище в ЗКО, http://total.kz/society/2013/07/16/podrostki_vandaly_razoryali_musu#begin_st
2. За попытку взорвать спиртзавод осуждены трое казахстанцев, <http://baursak.info/?p=99738>
3. Катерина Гура. «17-летняя студентка трижды стала «самой красивой», <http://lady.mail.ru/article/478310-17-letnjaja-studentka-trizhdy-stala-samoj-krasivoj-foto>
4. «Байтерек - главный символ Астаны», <http://astana-hotels.net/rus/astana/sights/baiterek.htm>
5. Топоров В.Н. Древо Мировое// Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 тт. - М.: Советская Энциклопедия. - 1980. - с. 398 - 406.

6. Володева Н.А. Художественные традиции казахского национального костюма в современной практике дизайна одежды – Автореферат дис.канд.искусств. - РК, Алматы, 2010.
7. Султанова М.Э. Философско-эстетические основания казахского изобразительного искусства в контексте теории чистого искусства – Автореферат дис.канд. искусств. – РК, Алматы, 2009.
8. Аманов Б.Ж., Мухамбетова А.И. Казахская традиционная музыка и XX век. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 544 с.
9. Кажгалиулы А. ОЮ и ОЙ. – Алматы, 2004. – 244 с.
10. «Казахская национальная одежда, <http://semestr.kz/rusref/13/444-kazahskaya-nacionalnaya-odezhda.html>
11. Статьи “Казахские национальные костюмы”, <http://www.vainahkrk.kz/e/1994903-kazahskie-natsionalnyie-kostyumi>

МЕНТАЛИТЕТ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Коллеги, вероятно, согласятся с тем, что современный студент отличается от студенческой молодежи прошлого века. Он более раскован, независим, прагматичен. Еще более рельефно выступает динамизация ментальности, если обратить взор за пределы высшей школы, к более юному поколению. При всем том, есть и нечто, объединяющее эти возрастные группы. Это – формирующаяся, становящаяся ментальность, та детская незащищенность, беззащитность, которая обескураживает и нуждается в участии, поддержке и понимании. Эти эмпирические наблюдения наличного бытия подтверждаются и дополняются исследованиями, обобщающими бросающиеся в глаза разительные перемены. Не претендуя на исчерпывающий охват, приведем эскизный анализ, подтверждающий сказанное.

Первыми об этих странных детях заговорили изумленные и встревоженные родители. Когда же к родительским голосам присоединились воспитатели и школьные учителя, стало ясно: это не плод досужих измышлений, не единичный феномен и даже не результат особого воспитания. Подтверждался факт: на планету пришли дети нового типа. Их странность проявлялась уже в первые месяцы жизни. Врачей поражали совершенно взрослые глаза младенцев. В отличие от других новорожденных, которые не могут сфокусировать взгляд, эти дети смотрели в упор и не по-детски пристально. Чем взрослее они становились, тем с большей силой и упрямством изменялась их модель поведения по сравнению с «нормальными» сверстниками.

Вскоре в центры здоровья и психологические консультации по всему миру стали обращаться растерянные родители с жалобами на своих детей: с ребенком, дескать, невозможно наладить нормальное общение. Не учится, не слушается, на воспитательные меры не реагирует, не усидчив, взбалмошен, трудно находит контакт с одноклассниками, уроки его просто не интересуют. Казалось бы, что тут удивительного: во все времена были «проблемные» дети. Чтобы наставить их на путь истинный, существуют учителя, воспитатели, врачи, психологи.

Поначалу специалисты так и считали, что эти дети отличаются от других лишь тем, что они трудно воспитуемые и практически не обучаемые. По крайней мере, старыми классическими методами. Психологи ставили неподдающимся ученикам диагноз СДВГ – «синдром дефицита концентрации внимания» + «гипервозбудимость» и лечили психотропными таблетками.

Преподаватели же ограничивались лишь советом: «Ваш ребенок - исчадие ада, поэтому переведите его в другую школу».

Обследования показали, что даже при видимом дефиците внимания и крайней гиперактивности интеллект детей был чрезвычайно высок, они оказались прекрасно развиты и хорошо образованы, зачастую и за рамками обязательной школьной программы. А еще они то и дело выдавали «на-гора» совершенно нехарактерные для детей суждения, рассказывали взрослым об устройстве мира, делились своим трансцендентным опытом, вспоминали прошлые жизни, умели управлять энергией...

Представители нового поколения (наиболее прижился американский термин индиго) - умный, развитый, но не желающий подчиняться привычным стереотипам поведения ребенок. Если раньше взрослые считали, что дети - это пластилин, из которого, пока ребенок мал, можно вылепить все, что тебе заблагорассудится, то Индиго как будто сразу рождаются вполне сформировавшимися людьми. Их невозможно переделать. Они не отзываются на обвинения, глухи к замечаниям. Если же взрослые продолжают на них давить и это давление задевает их личность, угрожает целостности - дети защищаются. Не разбираясь в средствах. Правил для них не существует.

Психология «супердетей» еще до конца не изучена. Замечено, например, что они плохо воспринимают школьную программу, идут в развитии по своему, особому пути. Поэтому в Америке уже открыто несколько спецшкол для детей Индиго.

Специалистами дети Индиго подразделяются на четыре типа. Первый тип получил определение гуманисты. К ним относят будущих врачей, юристов, учителей, моряков, бизнесменов, политиков, деятелей науки. Второй тип - самый распространенный - концептуалисты. Это будущие инженеры, архитекторы, дизайнеры, астронавты, военные, пилоты и путешественники. Дети Индиго третьего типа - художники встречаются пока редко: им очень трудно выжить в современных условиях глобальной модернизации. Эти дети гораздо более чувствительны, чем представители других категорий Индиго. Четвертый тип детей будущего - это те, что «живут во всех измерениях». Эти дети знают все и обо всем. Уже в младенчестве поучают собственных родителей, все и всегда стараются сделать сами. Из таких всезнаек вырастают выдающиеся личности. Это те люди, которые несут в мир новые философии и новые религии.

Специалистами отмечаются следующие 10 самых распространенных качеств «новых» детей:

1. Ощущение собственного «величия». Похоже, этим детям не нужно ничего разьяснять: они и так знают, что являются духовными существами, и

поэтому в их поведении сквозит чувство собственного достоинства и четкое понимание собственного естества.

2. Они не понимают, что такое заниженная самооценка, чувство вины, комплекс неполноценности или подобострастие.

3. У них нет абсолютных авторитетов, он не считает нужным объяснять свои поступки и признает только свободу выбора - как своего, так и чужого.

4. Любая форма навязываемой власти становится для этих детей серьезной проблемой. Это не означает, что они не питают ни к чему уважения или являются по характеру бунтарями. Они просто не принимают власть, которая навязывается без объяснений, без их ведома и согласия.

5. Есть вещи, которых Индиго просто не станут делать. Например, они никогда не будут стоять в очереди! Они не станут тратить время лишь для того, чтобы соблюсти то или иное правило, ограничивающее их свободу.

6. Такие дети теряются, соприкасаясь с консервативными системами, где главенствуют строгие правила, а не проявление творческой мысли.

7. Ребенок часто видит более рациональный способ сделать что-то в школе или дома, но окружающие расценивают это как «нарушение правил» и нежелание приспособливаться к существующей системе.

8. Общаться они предпочитают с другими Индиго или людьми, пребывающими на сходном уровне сознания. Если рядом нет таких людей, Индиго могут казаться недружелюбными и даже необщительными, становятся мрачными, замыкаются в себе и очень остро реагируют на непонимание окружающих. Это может вызывать серьезные проблемы в школах, где таких детей часто считают труднообучаемыми или гиперактивными. Подобные ложные диагнозы весьма опасны!

9. Их невозможно «приструнить» попытками внушить им чувство вины, угрозами и неодобрением. Они сознают, кем являются на самом деле, и существам из низших измерений просто не понять всей глубины этого осознания; по этой причине навязать Детям Индиго комплекс неполноценности просто невозможно. На угрозы они обычно реагируют вспышками ярости. Американский психолог Нэнси Тэпп убеждена, что все дети, которые в течение последних десяти лет XX столетия участвовали в актах насилия по отношению к учителям, родителям и своим ровесникам, относились к категории Индиго.

10. Они не стенсительны. Дети Индиго твердо знают, чего хотят, и чаще всего открыто, без колебаний выражают свои желания.

Родители детей Индиго часто сталкиваются с большими сложностями в их воспитании. А значит, люди, общающиеся с подобными детьми, должны изменить подход к ним. При воспитании «детей из будущего» психологи рекомендуют придерживаться простых правил.

1. Обращайтесь с детьми Индиго уважительно. Приветствуйте их появление в вашей семье.
2. Никогда не унижайте их! (Пожалуй, это применимо ко всем детям).
3. Не говорите им, кто они сейчас или кем они станут впоследствии. Они знают это лучше вас.

Принципиальные отличия нового поколения – явление, все более уверенно заявляющее о себе в жизненной реальности. Вряд ли сегодня найдутся скептики, оспаривающие их существование. На наш взгляд, необходимо не только восхищаться, восторгаться и умиляться маленькими «вундеркидами», сколько вдумчиво, ответственно отнестись к этому явлению. Возникает закономерный вопрос, а что именно понимают авторы, утверждающие, что дети Индиго есть духовные существа? Ведь, эти современные духовные существа отнюдь не ангелы; напротив, в качестве характерных черт, присущих им, такие факторы, как некоммуникабельность, непослушность, игнорирование не только мнения других, но и их существования, поскольку для них на первом месте их «Я». В этом аспекте полагаем поспешным определение их как духовных существ, поскольку, на наш взгляд, духовность понимается в таком случае как интеллект, знаниецентризм, способности разума. Между тем, как дух, если его интерпретировать философски, это сплав мыслей и чувств, формирующих любовь к природе и людям, открытость, чистоту помыслов, вселенскую связь с миром, миролюбие... Увы, не эти, подлинные проявления духовности выделяют современных детей Индиго.

Не следует утрировать и понимать сказанное упрощенно и прямолинейно. Стремление к общению, любовь к близким, духовно-нравственное начало, разумеется, наличествуют у таких детей. Возможно, они присутствуют даже в большей степени, чем у обычных детей. Хотя, кто возьмется и какими способами измерять степень духовно-нравственного начала у тех и у других. Вряд ли возможно в данном ракурсе получить какие-то объективные обобщающие результаты, данные. Речь о другом. О том, что дети Индиго как дети своего времени неизбежно должны нести и несут в себе все те признаки, которые присущи современной эпохе, то есть эпохе цивилизации. Поскольку этот культурноисторический период отличается противоречивостью, амбивалентным противостоянием полярных сил («сила – слабость», «зло – добро» и т.п.), то такая, пронизанная дихотомичностью среда просто-напросто не могла породить ангельских существ, лишенных конфликтности. Это в корне противоречит законам логики, диалектическому взаимодействию целое-часть, то есть макрокосмос – микрокосмос. Вот почему нам необходимо не только восторгаться и выискивать детей Индиго, создавая им особые условия. Гораздо важнее использовать всю нашу мудрость, терпение, такт, любовь, чтобы

развить их до подлинно духовного уровня. Поистине, потребуются божественная любовь, ангельское терпение и высшая мудрость, чтобы нейтрализовать в них генетическое наследие своего времени. Ведь они каждодневно, ежеминутно, ежечасно доставляют гораздо больше проблем всем окружающим (родителям, учителям, сверстникам...), чем обычные дети. Ситуация усугубляется тем, что они сами прежде всего страдают от своей индигости. У них много обостренной восприятие органов чувств, они более ранимы, тоньше чувствуют и более болезненно реагируют на отношение к себе окружающих. Топорные методы, прямые указания, иерархия старший-младший, учитель-ученик, авторитарность здесь бесполезны и могут иметь только отрицательные последствия. По-другому мы пока не умеем. Не приучены. А потому только материнская любовь, каковой должна обладать не только мать, но и учителя; братское отношение, как любовь к ближнему могут явиться эффективными методами при обращении с ними. Увы, наше общество в целом слишком не соответствует тем идеальным условиям, которые необходимы детям. Подчеркиваем, не только детям Индиго, но и всем детям. И в этом плане, дети Индиго как особенные предоставляют возможность философски осмыслить, осознать и реактуализировать человеческое, просто человеческое как всеобщее.

Не упустить бы эту возможность. Новое поколение – и особенно дети Индиго – только более обостренно/ обнажено раскрывают суть новой эпохи и показывают, что духовность есть процесс, требующий напряжения духовных сил человека на пути к будущему. И тот факт, что этот процесс совершается не в идеальных (=духовных) условиях, но в условиях рыночной экономики, доказывает, что человечество достигло критической точки, той пиковой фазы, когда требуется преодоление, духовно-творческий прорыв, духовно-нравственное состояние как революционно-творческий акт, как качественный прыжок в новое состояние – некультуру.

Новые дети уже пришли. Их приход выдвигает принципиально новые задачи перед человечеством. Новизна состоит в том, что актуализируется проблема переосмысления содержания образования, которое должно стать единым образовательно-воспитательным процессом. Более того. Приоритетное место в системе современного образовательного пространства должно занять воспитание, которое пока находится на периферии человеческого бытия. Человечество избрало более «важную» образовательно-научную сферу и сделало доминантным разум, разум-логику. И эта установка, несмотря на критический накал современных исследователей, по сей день является ведущей мировоззренческой константой человеческого бытия. Выход видится в философском подходе к сути современного воспитательно-образовательного

пространства, сущность которого должно составлять духовно-нравственное начало. В этом смысле современное образование актуализирует исходно смысловое содержание философии как любви к мудрости. Увлечение письменных цивилизаций древности сферой знания, поступательное развитие науки обусловили качественное переосмысление мудрости как синонима знания, науки. Интенсивное развитие философии и науки как духовного производства привели к тому, что исходная глубинная суть философии как любви к мудрости (мудрости и любви) были забыты. Ну, скажем, не совсем забыты. Ведь по сей день актуальны категорический императив Канта и нравственные искания мыслителей разных эпох... Но в энергетическом потоке философского знания, имплицитированных в философских системах, направлениях, течениях не они делают погоду в современном мире.

И тем не менее, как показал эскизный анализ источников, ностальгия по нравственности прослеживается не только на идеальном уровне, в деятельности философов и религиоведов, духовных «отцов» современности и учительской, родительской общности. В недрах все еще бодрого энергичного напористого цивилизационного общества зарождается и набирает силу новое поколение – космическая ментальность, аккумулировавшая в себе весь предшествовавший опыт антропогенной цивилизации. На сегодняшний день она не осмыслена и ставит в тупик человечество своей непохожестью на «цивилизованных» отцов. Вобравшие в себя весь интеллектуальный и духовный опыт социума они естественным образом содержат в своих генах все противоречия, которые свойственны человечеству. Оно антиномично, антиномии – существенная черта космической ментальности. И требуется большая работа (духовный труд), чтобы направить эту стихийную энергию духовных существ в верное русло.

Надо ли говорить о том, что призывы мыслителей к нравственности особенно актуальны в отношении к этим мятущимся юным существам. Им еще труднее жить, чем нам. Труднее не только и не столько в материальном отношении. Сложность их духовного мира, врожденного духовного мира создает большие трудности им в общении. Это дети с духовным потенциалом взрослого, сформировавшегося человека. Требуются духовные личности на уровне этих детей, обладающих неистощимым запасом терпения, любви, доброты, ума (духовного ума) и разумного сердца. Необходимы тонкий такт и духовное зрение, чтобы ненавязчиво/ авторитарно, а мудро и последовательно направлять это явление. И только агапическая любовь и духовно-нравственное начало способны придать верное направление, импульс этой зарождающейся жизненной энергии.

Таким образом, в связи с космической интенсификацией менталитета нового поколения, в современном образовательном пространстве актуализируется приоритет воспитательного фактора. Можно сказать иначе: человечество, увлеченное успехами в области науки, востребованной к тому же для материального комфорта, выдвинуло на повестку дня знание, образование. Современное состояние человечества – закономерный результат его выбора.

Единственной достойной альтернативой, вызовом истории является осознанное культивирование человеческого, просто человеческого. Иного нам не дано. История подсказывает нам ответ, выход в лице нового поколения. Только предельное внимание, любовь, душевное тепло, понимание, терпение, создание атмосферы доверия, психологического комфорта способны привести землян к прогрессу, тому истинному прогрессу, к которому всегда стремились великие деятели культуры. Новое поколение требует значительно больше внимания к своему внутреннему миру вследствие специфической обусловленности, не зависящих от них. Ведь в первую очередь страдают сами дети, не понимая, не умея объяснить. Понимать, объяснять и помогать как можно безболезненнее нейтрализовать их должны мы, взрослые. Для этого необходимы осознанное переосмысление содержания понятия образования, понимание его как единства воспитания-образования. Особенность такого воспитательно-образовательного пространства - в более тонкой и глубинной воспитательной стратегии и тактике. Тактике сдерживания, а не противостояния. На уровне семьи, школы, вуза, общества в целом, что позволит упреждать негативные последствия. Только консолидация всех слоев общества позволит человечеству выйти из сложившейся критической ситуации. Не наука, не техника, а образование, учитывающее духовный опыт всемирного культурно-исторического процесса и актуализирующее простые нормы нравственности, такие, как взаимопонимание, толерантность, уважение, доброжелательное отношение к окружающим позволят человечеству преодолеть кризисное состояние. Время – действовать. Новые дети уже пришли.

1. Фриссел Боб. Мы – духовные существа, переживающие опыт человеческой жизни/ Перев. С англ. – М.: Издательский дом «София», 2005. – 160 с.;
2. Дети индиго/ Материал из Википедии — свободной энциклопедии. http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E5%F2%E8_%E8%ED%E4%E8%E3;
3. Дети Индиго. <http://intellectspb.ru/articles/indigo.htm>;
4. Дети индиго. Кто они? Зачем пришли? <http://magicforce.ru/deti-indigo-kto-oni>

5. О неокультуре, космической ментальности нового поколения см: Кокумбаева Б.Д. Онтология духа и проблемы бытия отечественной культуры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук – Алматы, 2006; ее же: Онтология культуры. - Павлодар: ПГПИ, 2005. – Монография – 268 с.

Люблю **книги**
ljubljuknigi.ru

yes
i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.ljubljuknigi.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.de
www.omniscrptum.de

OMNIScriptum

